

Исповедь. Часть 2

Автор:

Милена Арден

Исповедь. Часть 2

Милена Арден

Каждое его слово, как очередной выстрел, новой пулей вонзалось в сердце и душу. Мы убивали себя всем – словами о ненависти и словами о любви. Сохраним ли себя, если снова будем вместе? Да, я люблю его, до потери себя люблю. Но я не знаю, что хуже: с ним погибать или подышать без него. Нам предстояло сделать этот выбор. Но не сейчас... Не на эмоциях. И с надеждой, что капризное счастье улыбнется еще раз. Содержит нецензурную брань.

Милена Арден

Исповедь. Часть 2

Глава 1

2013 год.

Теперь, когда Васильевы перебрались в Москву, мы с Настей могли видеться гораздо чаще. Когда наша душа требовала сплетен и небольшой дозы винчика. Да и своего крестного сыночка я видела не только по праздникам. Так уж сложилось, что после того самого нового года, что стал для меня роковым, я сблизилась с Настей настолько, что нас окрестили кумушками, ещё до того, как мы ими стали. Крестным отцом Влада должен быть, угадайте кто? Конечно Измайлов. Но благодаря Васькиному таланту убеждать, она уговорила своего супруга, выбрать другого кандидата, и Сергей предложил крестить Владьку

своему брату. Как камень с плеч. Потому что Яшин, сука, в своем дебильном стиле, уже трындел за нашими спинами и смеялся со своих шуточек из оперы: «Что за кума, что под кумом не была». Да и нам с Никитой хотелось пересекаться, как можно реже. А особенно мне не хотелось видеть его американку, с которой Измайлов был уже четыре года, и, кажется даже собирался жениться. Об этом я даже не пыталась расспрашивать у Насти, потому что меня от одной лишь мысли о свадьбе Никиты с этой бл*дью, скручивало в болезненной агонии.

Мы с Настей и Владькой приехали ко мне, в мою, далеко не скромную, трешку в многоэтажке в Пресненском.

– И каковы условия оплаты столь щедрого подарка? – каждый раз спрашивала Настя одно и то же, видоизменяя вопрос, но суть от этого не менялась.

– Если знаешь, что есть подводные камни, лучше не касаться ногами дна, когда плывешь. Вот я и не вникаю в то, что может быть. Квартиру на меня оформил, так что, не мои проблемы, – безрассудно, как всегда, пожимала плечами я. Нет, дурасти в моей голове поубавилось за эти годы, я стала рассудительнее, мудрее. Но, кроме всего, стала более расчетливой и, закрывшись от всего мира, скрывала истинные чувства.

– Я так понимаю его сегодня не будет, – ковыряла Вася, помогая накрыть мне на стол.

– Кого, Евгеша? Не будет. Мы дважды в неделю видимся. Иногда чаще, – как ни в чем ни бывало, отвечаю я. С Женей я в отношениях уже два года. С того самого момента, как на втором курсе начала заниматься репетиторством. Сначала познакомилась в спортзале с его дочерью, которая, как оказалось, на три года младше меня, а после она и порекомендовала меня своему отцу, как репетитора для своего младшего брата, учившегося тогда во втором классе. Вот так и вышло, что сначала я стала учителем депутатских детей, а после стала любовницей депутата городского совета. Собственно, оттуда и машина, и квартира и секс по расписанию.

– Евгеша, значит. Тебе к нему по имени отчеству надо бы, на “вы” и шепотом, мужик старше на двадцать лет, а она его Евгешей зовёт, – возмущаясь, разводила демагогии Васильева.

– Ну хватит причитать, Насть. Одно и то же, каждый раз. Меня всё устраивает. Я ему ничего не должна, он мне, – отвечаю я, вспоминая, как однажды с Наташей говорила о «рыночных» отношениях. И знаете, это и правда превращает тебя в меркантильных суку, которая ищет во всем свою выгоду.

–А когда-то жаловалась на “понеделники-среды-пятницы” – фыркнула подруга, и я, не выдержав, поставила перед ней бутылку вина и штопор.

–Делом займись. И если хочешь продолжить тему моих страдальческих и не сложившихся отношений с Никитой, то наливай мне сразу в два бокала, – усмехаюсь я, усаживаясь за стол.

–Ритка, а вот если честно? Любишь его?

–Кого его? Женьку или Измайлова? – устало подпираю рукой подбородок, понимая, что от этой сватьи я просто так резкими и односложными отговорками не отделаюсь. Да и все, не только она, кто нас окружал, постоянно напоминали нам о наших отношениях, советовали начать с нуля, попробовать снова. Ведь страдаем друг по другу. А мы с Никитой стали чужими людьми.

–Да, Насть. Любила, люблю и буду любить. Как бы не пыталась забыть, вычеркнуть из жизни, стереть его из памяти, выкинуть из своих мыслей, не получается. Сердцем и душой я всегда с ним. Каждый раз засыпая, мысленно желаю ему спокойной ночи, надеюсь, что где-то, находясь на расстоянии от меня и он думает обо мне. Но не выйдет ничего. Слишком большой пробег у нас за спиной. Он не простит. А если и простит, то вряд ли решится снова на эти отношения. К тому же... Там с этой Алишей все серьезно, разве нет? – тяжело выдыхая, я решаюсь поговорить на эту тему.

– Киношная любовь какая-то выходит у вас, Дорофеева, – на выдохе, с грустью в голосе подытожила Настя, отсалютовав мне бокалом и пригубила вина. Я последовала ее примеру, делая внушительный глоток, словно пыталась утопить нахлынувшие воспоминания на дне бокала.

– Расскажи лучше, как отдохнули? – решаю сменить тему, потому что слишком длительные мысли о Никите снова развалит на мелкие кусочки, по которым я с трудом собираюсь каждый раз, когда погружаюсь в воспоминания чуть глубже дозволенного.

– Ой, да здорово вообще. Владик первый раз самолетом летал, сначала плакал, боялся, а после довольный был, улыбался, в ладоши хлопал, – восторженно делилась впечатлениями Васильева, а я, вспомнив как летала впервые, улыбнулась своим мыслям, ведь вела себя практически так же, как маленький ребенок. Сначала коленки от страха дрожали, а после эмоции лились через край и моей радости не было предела.

– Отель хороший, море понравилось. Влад с маской нырял, только и торчал вверх буйком, наблюдая за рыбками. Стащил с ресторана булочку и после прикармливал этих рыб, рыбак подрастающий, – мы обе засмеялись, умиляясь над поведением Настинного сына и моего крестника, по совместительству.

– Ты то сама в отпуск собираешься? Лето почти пролетело, август на дворе, а ты солнца и пляжа не видела, – с укором подметила Васька, а я только опечаленно выдохнула.

– Да у Олейника предвыборная началась. Пока об отпуске и думать некогда. Работы полно. СМИ, телерадиокомпания. Куча благотворительности, плюс с его сыном английским заниматься нужно. Так что я с головой в делах, – я указала рукой на ежедневник, оставленный утром на кухонном столе. У меня и правда был расписан каждый час. Женя, он же Олейник Евгений Николаевич, депутат городской думы, устроил меня на официальное место PR-менеджера в своем штабе. Правда на меня свалилась работа не только пиарщика. Мне иногда приходилось представляться помощником депутата, вести деловую переписку с партнерскими компаниями, работать с договорами, в которых я совершенно ничего не понимала, и разрываться на множество страниц в соцсетях и на официальном сайте Олейника, наполняя все профили нужной для рекламной кампании информации. При том, информацию эту я сама и добывала, бегая с фотоаппаратом на разные встречи, как представитель Евгения Николаевича. Но, если честно, мне нравился и темп работы, и сфера деятельности, в которую я влилась. Это открывало новые возможности, за которые стоило хвататься.

– И что это, твой тиран не отпустит тебя отдохнуть? – Настя вскинула бровь, глядя на меня.

– Когда с выборами все закончится, обещал меня выгулять, – я усмехаюсь, утешив подружку тем, что не помру от работы, хотя от работы дохнут кони, ну, а я

– бессмертный пони. Озвучив строки с дурацкого стихотворения, пуще прежнего засмеялась я.

–Куда-то да полетим отдыхать.

–А жена его че? Дети? – Настя, как же я люблю твои вопросы, ну вот нереально женщину остановить. Ей бы в военные годы допросы вести, мёртвого разговорит и чистосердечное вытащит.

–Да что жена то? Жена – не стена, – безразлично пожимаю плечами я. Честно, мне было плевать, как он решает эти вопросы со своей супругой. А стоило бы задуматься. Поразмислить над тем, что я могу когда-то оказаться на месте такой же, не ведающей ничего, женушки, которую судьба наградила мужем-кобелем, бегающим по молодкам, как я. А такие как я, просто сосут, кхм...В прямом смысле слова, из богатеньких женатиков деньги. Может когда-то я об этом и задумаюсь. Но не сейчас. Пускай я стала типичной содержанкой, такой расклад меня устраивал.

–Зато у Владьки на празднике побываю, – я с добродушной улыбкой обернулась на малыша, играющего своими мальчишескими игрушками и позвала его к себе.

–Владь, скажи-ка крестной, сколько тебе годиков через две недели будет?

–Цетыле, – уверенно заявляет Влад, показывая три пальчика.

–А показываешь ты сколько? – улыбаюсь ему, и наблюдаю за недоумением на лице ребенка.

–Лаз, два, тли! – с серьёзным выражением лица, крестник считает пальчики и непонимающе смотрит на меня. Я помогла ему загнуть пальцы и показать нужное количество, после чего мы вместе еще раз их пересчитали.

–И что бы ты хотел в подарок?

–Я хоцю лобота-собаку! Буду его длесировать! – да, запросы у детей, конечно растут с каждым годом, но надо же двигаться в ногу с прогрессом.

-А почему робота? -удивленно смотрю на ребенка, а он только отмахнулся, закатывая глаза.

-Да папа не хочет настоящево. Ему же плидется с ним по утлам гулять, а он не хочет. Подласту, потом купим зывого, да, мам? - лепетал Владька, а Настя только кивала.

-Конечно, сына, купим, а потом папа нас всех троих на улицу отправит. И тебя, и меня, и собаку, - вот за таким легким общением мы с Настей пообедали, переместившись после с винишком в гостиную. И дождались, когда приехал Сережа, забрать своих домой.

Следующие две недели пронеслись очень быстро. Когда ты в движении, как белка в колесе крутишься, время летит очень быстро. Не знаю, хотела ли я в таком напряженном ритме прожить свою жизнь, превратившись в заядлого трудоголика, но этот ритм был для меня. Чем-то вроде спасательного круга для утопающего. Чтобы не утонула в океане своих тревог, зарывалась с головой в работу.

День рождение Владьки припало на будний день. Как раз на один из таких дней, когда у меня по расписанию встреча с Женей вне рабочей обстановки. Но я заранее предупредила, что мне не до него и я иду на праздник к своему крестному сыну. Евгений Николаевич что-то пытался бухтеть и возражать, но меня это мало волновало. Я даже без намеков сказала ему что делать, если у него свербит.

-Дорофеева, ты бы за языком следила, а то договоришься когда-то, - недовольно сделал замечание Женя, не отрывая взора от дороги. Он вызвался завезти меня в ресторан и решил остаться в городской квартире на ночь, не ехать в загородный особняк. Надеялся, что я после ужина ему позвоню и все же, удовлетворю все его потребности. Перетопчется. Нечего мужиков баловать, а то они про нас только говорят, что мы на шею садимся, да ножки свешиваем, а сами то, не далеко ушли.

-Простите, Евгений Николаевич, но я привыкла говорить то, что думаю.

-Значит, думы свои фильтруй, Рит. Я тебе не пацан какой-нибудь, чтобы ты меня подрочить в туалет отправляла. Своим однокласскам такое можешь говорить.

Впредь чтобы не повторялось подобного, – продолжал воспитательную беседу Женя, а я устало закатила глаза, отвернувшись к окну.

–А то, что? Папка меня накажет? – сверкнув неоднозначным взглядом, посмотрела на Олейника, игриво улыбнувшись лишь уголком губ. Вопрос отвлек Евгения от дороги, и он окинул меня потемневшим, от внезапно нахлынувшего возбуждения, взглядом.

–Накажет, Маргарита Александровна, неделю сесть не сможете, – жестко и властно ответил Женя, опуская руку мне на колено, по-свойски шаря по моей ноге выше, задирая платье. И как бы я не противилась и не твердила себе, что по-настоящему я могу хотеть только одного мужчину, мои физиологические потребности проявлялись машинально. Рука Олейника скользнула по внутренней стороне бедра, касаясь ткани кружевного белья, и мой хищник довольно улыбнулся, огладив меня через влажные трусики.

–Мокренькая уже?

–Как видишь, – с вызовом отвечаю я.

–Ритка, не играй со мной, иначе я трахну тебя прямо в машине, – пригрозил Олейник, а я, кажется, даже и не против была такому повороту событий. Но мы уже подъехали к ресторану, потому развлечения для взрослых переносились на неопределенный срок.

–Позвонишь, как нагуляешься. Если захочешь, на квартиру ко мне можешь приезжать. В любом случае наберешь Виталика, он тебя заберет, – водителя Женя уже предупредил о том, что нужно отвезти меня, куда скажу. Я только кивнула, соглашаясь с указаниями, которые мне продиктовал Евгений Александрович, и потянулась к нему, получив в награду за свою сговорчивость горячий и жадный поцелуй. Женя целовал меня жарко и властно, проникая языком в мой рот, сплетая в поцелуе наши языки, прикусывая мои губы. Это было похоже на разогрев, дразнящий и оборванный в самый неподходящий момент, когда я уже была готова задержаться на ужин и вылезти на Олейника верхом.

–Иди уже, пантера, а то рычишь тут на меня, – усмехнулся Женя, выпроводив меня с машины шлепком по заднице.

Уже у самого входа в ресторан, я увидела знакомый БМВ, с которого вышел Измайлов и его подружка. Думала дождаться, поздороваться, проявить дружелюбие, но поймав на себе ядовитый и ненавистный взгляд Никиты, я решила не испытывать свою судьбу, она у меня девка не фартовая, так что от греха подальше.

В отдельном зале, все было организовано для детского дня рождения. Владьку и его друзей развлекали аниматоры, занимая всякими играми и детскими конкурсами, но увидев меня, мелкий закричал, что пришла его крестная и побежал ко мне. Подхватив крестника на руки, расцеловала его, поздравляя, и вручая ему коробку с роботом-собакой, которого так хотел Влад. Следом за мной в зал вошел Измайлов, конечно же сразу попадая на глаза ребенку, от чего Влад снова восторженно затараторил. Никита чудесно ладил с ребенком. Он был бы хорошим отцом, я уверена. Как-то я грустно улыбнулась этой мысли, даже упустив из виду то, что Владик позвал Никиту подойти к нам.

-Никита! Пливет! – по-мужски они пожали друг другу руки.

-Смотри, мне Лита подарила лобота, давай с нами посмотрим? – мы с Измайловым переглянулись, сухо поздоровавшись друг с другом.

-Сына, давай ты с Никитой посмотришь, а я пойду к маме, девчачьими секретами делиться, – шепнула я на ухо ребенку. Владик согласился, и я передала его в руки Измайлова, стараясь не столкнуться с этими карими глазами снова.

Наверное, у меня за четыре года такого натянутого общения, к которому нас обязывали обстоятельства, выработался иммунитет. Он активировался каждый раз, когда на горизонте появлялся Никита. Я вела себя молодцом, стараясь подражать Измайлову и делать вид, что не знаю его. А уже после срывалась от обострения, когда оставалась наедине со своими мыслями, воспоминаниями и не утихающими чувствами, которые пыталась душить. Эти годы, кардинально изменили не только мою жизнь. Егор с Эвкой сыграли свадьбу. В Италии, как и обещали. Меня там не было, хоть приглашение свое я и получила. В июне я защищала диплом, а после универа, почти сразу начала работать у Олейника. Не в моих правилах отпрашиваться, когда только пришла на работу. Договориться мне, конечно, труда не составило бы, но начальница PR отдела сразу начала бы коситься в мою сторону, а мне лишняя болтовня была ни к чему. Как и Евгению Николаевичу. Про новости Насти и Сережки – понятно, их главное событие в

жизни сегодня отмечает свой четвертый день рождения. Обо мне тоже все ясно. Измайлов вроде как собрался жениться, но пока это еще было все не точно и поверхностно, и, признаюсь, я была несказанно рада, что окончательного подтверждения этому нет. Ну, а Яшин разошелся с Дашкой, при том очень скоро после того самого Нового года. Закончив первый курс, Зорина таки укатила к папе в Питер. Мы еще общались, но уже не так часто и не так тесно, как раньше, спихивая это все на взрослую жизнь.

Решив подышать свежим воздухом, или как я привыкла говорить, свежим никотином, я вышла на улицу. В принципе, я бросила эту вредную привычку, перебиваясь парой сигарет в моменты, когда мне было хреново, а пока куришь – ты при деле, я была уверена, что это успокаивает мои расшатанные нервы. Либо могла покурить на каком-то празднике, под алкоголь и сигаретка шла отлично. Евгений Николаевич сильно ругался, когда от меня несло сигаретами. Начиналось это банальное, “облизывать пепельницу не приносит мне никакого удовольствия”, ну так не облизывай, я же не заставляю! Но, все же я к нему прислушалась, сводя свои порывы закурить до минимума. Ну, а сегодня, это было очевидно, я знала, что в компании с Измайловым, меня будет внутри колошматить, выворачивать, ломать, а виду показать я не смею, потому и стою сейчас на улице, затягиваясь и выпуская дым. И даже не ожидая того, что компанию мне составит Никита Алексеевич собственной персоной.

–И что, Дорофеева, вижу тебя уже не так беспокоят “маленькие недостатки”? – с едкой усмешкой, заговорил Измайлов.

–Что? – я вздрогнула, услышав его голос, не заметив, как он подошел. И взглянув на Никиту, в недоумении нахмурилась.

–Ну, машина у твоего большая, а у нас же чем больше машина, тем меньше член, судя по твоей логике, – продолжил колоть своей интонацией, вспоминая, что я несла ему в пьяном бреду в день нашей первой встречи. Видимо Измайлов видел, как меня привез Олейник на Прадике (Тойота Прадо). Что я ощутила в этот момент? На что были похожи эти упреки? Может на разбушевавшуюся в Измайлове ревность?

–Ну мы ведь оба прекрасно знаем, что из этого правила есть исключения, – так же ехидно ответила я, намекая на Измайлова и размеры его достоинства.

-Не ты один оказался исключением, Никитушка, – зачем я это говорила? Что я ему хотела доказать? Мое нутро рвалось пасть к его ногам и молить о прощении, клясться в бесконечной любви, просить последнего шанса для нас. Но я продолжала строить стальную леди, словно меня вовсе не задевают его остроты и мне абсолютно плевать. И вот смотрю сейчас на Измайлова, и понимаю, что больше не вижу в его взгляде тех чувств, что были когда-то, пустота в этой черноте, непроглядная пропасть, в которую я провалилась, стоило нашим взглядам столкнуться.

-А ты все такая же острая на язык. Ну он-то хоть тебе рот затыкает, чем нужно?

-А твоя, я вижу, не болтливая, на постой с заткнутым ртом? – снова наш словесный пин-понг. У меня затряслись руки, невольно я стиснула зубы до скрежета, борясь с желанием врезать Измайлову и после сразу же впиться в его губы поцелуем. Жадным, голодным, таким необходимым поцелуем.

-Чего тебе надо, Никит? По-моему, тебе не должно быть никакого дела до моей жизни. Наш разрыв предполагал, что рано или поздно мы начнем встречаться с другими, – уже более спокойно ответила я, понимая, что, если продолжим ругань, дойдет до скандала, испортим настроение друг другу, испоганим праздник ребенку и всем гостям.

-Слышала ты жениться собрался, – решаю задеть интересующую меня тему и узнать подробности, как говорится, из первых уст.

-Может и собрался. По-моему, тебе не должно быть никакого дела до моей жизни, – парирует Никита, процитировав, ранее сказанные мною слова.

-Измайлов, к чему вообще ты завел разговор, если ты цедишь каждое слово сквозь зубы и ядом в меня плюешься? Делал бы и дальше вид, что меня не существует. У тебя отлично выходит, – затушив недокуренную сигарету, я, не дожидаясь ответа, возвращаюсь в ресторан, сажусь за стол и молча вливаю в себя содержимое своего бокала, скривившись от послевкусия обжигающего алкоголя. Моментально возле меня появилась Настя, смерив недовольным взглядом прошедшего мимо Никиту.

-Все ясно. Че хотел? – спрашивает негромко подруга, склонившись ко мне.

-Да поковырять хотел, Насть. Желчью плевался. Ну да пускай. Главное, чтобы не захлебнулся ею, – тяжело выдыхаю я, кинув взгляд на часы.

-Прости, но поеду, наверное. Мне бы сейчас валокординчику да в теплую постель, – мечтая об успокоительном я продемонстрировала подруге свои дрожащие руки. Настя же отрицательно кивнула головой, наполнив мой бокал новой порцией виски.

-Зачем валокординчик, который ты своими соплями закусывать будешь. Вот, тяпни еще, да дуй к своему, Николаевичу. Мужик с тебя быстро дурь эту выбьет, да забудешь о случившемся. Он то, – Васька кивнула головой в сторону Измайлова, – поедет домой на своей иносранке оторвется, а ты чем хуже? Поступай так же.

-Насть, он мстит, а я-то грехи замаливать должна.

-Ага, соси пощады типа? Выброси это из головы. Что было то было, прекрати себя изводить. Время все расставит на свои места. На данном этапе расклад вот такой. Выкручивайся с тем, что имеешь, – Настя подбадривающе поцеловала меня в щеку. Она баба молодец. Как и я – говорит, что думает. И хоть в душе знает, что я сохну по Измайлову, пытается вытащить из депрессии любыми путями. К тому же, если у меня под боком и правда был хороший вариант, почему им не пользоваться? В общем да... Способы забыться у меня с годами не менялись...

-Лекарство прими, – смеется подруга. И я, напоследок, сделала еще глоток с бокала и распрощавшись со всеми, а главное с виновником торжества, покинула ресторан. Уехала я не сразу, набрав номер Гордеева. Он сбросил вызов. Постукивая по кнопкам пальцами, я ждала, что он перезвонит. Но ни смс, ни звонка не поступило. Потому я набрала номер Жениного водителя и велела везти меня на московскую квартиру Олейника.

Глава 2

Сколько раз за четыре года Она появилась в моих мыслях? Наверное, такого числа еще не придумали. Еще чаще появлялась в моих снах. Смотрит на меня с такой нежностью и любовью, а я всем нутром ее ненавижу. Не принимаю ее чувств. С мольбой о прощении валяется у моих ног, а я не могу простить, уверяя

себя, что предав единожды – она предаст снова. Я не пессимист, а реалист. Во снах с ней, я снова и снова проживал минуты беззаботной радости, чувствовал, как влюбляюсь, теряя голову, а после сгораю от разочарования в ней, и как с презрением теперь воспринимаю ее. В реальной же жизни, я простил. Я дал возможность времени притупить боль, наложить на кадры из прошлого свое настоящее и перспективное будущее.

У каждого из нас есть такие воспоминания, от которых поскорее хочется освободиться. Забыть, как страшный сон. Но есть такие раны, которые долго кровоточат, будят по ночам. И нет смысла паниковать и искать обезболивающее. Нужно лишь набраться терпения, надеяться, что время подберет лекарство. И у каждого оно разное. Наше с Ритой, мне кажется, в чем-то было похоже. Страдая от идентичного недуга, способы забыться у нас были одинаковы.

Чтобы знать, что происходит с Дорофеевой, мне не нужно было вести душевные разговоры с той же Настей, с которой Рита крепко сдружилась, вплоть до того, что они решили породниться. Я знал, что Васильевы хотели взять меня за крестного отца Влада. Я не суеверный и не набожный. Но слышал о том, что крестным родителям между собой нельзя вступать в брак. Довольно странный аргумент для меня, но мне казалось, что есть надежда на какое-то будущее. Не знаю я, как объяснить эту тревогу и можно ли вообще это назвать надеждой, что однажды мы с Ритой, все-таки снова сойдемся. Я вообще не находил объяснения большей части своих рассуждений и поступков с того самого момента, как познакомился с этой женщиной. Но может мне хотелось, чтобы когда-то мы попробовали продолжить то, чего у нас, по сути, не было. Начать с нуля. Где-то на подсознании, в глубине своей покалеченной души. Хотел того, чему противился. Отчаянно желал, жаждал, верил в это, порой представлял, что бы из этого получилось. Но, увы, картинки в моем сознании вырисовывались крайне не радужные. Ее взбаламученный характер, мой резкий и строгий. Рита – переполненная жизненной энергии и я, довольно инертный по своей натуре. Она мягкая, добрая, хоть и бывает вспыльчивая. Прямолинейная, напролом прет, как паровоз. И я, хладнокровный в своих рассуждениях, принципиальный, жесткий и часто агрессивный. Рита всегда говорила, что нельзя все держать в себе. Нельзя накапливать, чтобы переполниться в самый неподходящий момент. И она была права. Может ее жизненная позиция позволяла ей быть более толерантной в ситуациях, где я готов был прибегнуть к кардинальным мерам.

В общем, взвешивая все “за” и “против”, я приходил к выводу, что все это дохлый номер. Что лучше нам и дальше держаться друг от друга на расстоянии,

постепенно заполняя место в сердце, что ранее было отведено нам, кем-то другим.

Меня лишь приводило в ярое недовольство то, что Дорофеева, неглупая, красивая женщина, а цену свою слишком занижала. Нет, я сейчас не завожу заезженную шарманку о том, что все можно купить. Я рассуждаю, как здравомыслящий человек. Она могла найти мужчину, который будет любить ее. Искренне, взаимно, так же пылко, как умеет любить сама Рита. Но, почему-то, она выбрала путь, некогда навязанный мной. Продалась престарелому женатому мужику, с толстым кошельком, естественно. Отсюда напрашивается вывод. Кто вообще надумил эту недалекую, что это ее образ жизни, что именно так она сможет достичь того самого счастья, о котором щебетала как птичка. Оказывается, счастье в деньгах? Так почему же со мной она не была счастлива, когда я преподносил ей, ровным счетом, все то же самое, что и Олейник, и даже больше. Я был не женат, предпочел ее куче продажных шкур. И пускай медленно, но двигался к признанию самого главного – что люблю ее.

Я беспокоился, чтобы она хорошо устроилась, у меня были планы и предположения, как, ненавязчиво, не раскрывая своей причастности, обеспечить ее. Но, как всегда, я долго телился. Пригrelась под крылом покровителя, но даже не представляет, к чему приводят такие взаимоотношения. Именно взаимоотношения, которые строятся на договоренностях, подписанных чуть ли не кровью. Повстречала невинная девочка дьявола, с которым заключила сделку.

“ Ставки сделаны, карты розданы,

И крупье опускает глаза.

Только вот опомнился поздно ты,

Что совсем не на деньги игра...”

Невольно в моей голове возникли строки автора Михаила Реденкова. Цитирую его стихотворение и понимаю, как тонко подмечено и как идеально эти строки ложатся аккомпанементом на жизнь Ритки. Да и я был в этом всем игроком, бесполезно растратившим все козыри.

Не так давно я вернулся с Нью-Йорка, куда был направлен в командировку в сопровождении Алиши, дабы посетить штаб-квартиру компании Филип Моррис. Я правда так и не понял в чем был смысл этой поездки, поскольку представляли мы интересы исключительно Московского филиала. А уже по приезду, мне стали понятны цели всей этой незамысловатой затеи.

–Никита Алексеевич, Вас в своем кабинете ждет Алексей Федорович, – пробубнил мне в переговорное устройство еле слышимый голос Маркиной. Почему, каждый раз, когда она говорила со мной, когда она смотрела на меня, мне казалось, что она пытается меня соблазнить? Это даже стало навязчивой идеей. Я сам с собой устроил тотализатор, делая ставки на то, как еще Маркина будет пытаться привлечь мое внимание.

Ничего не отвечая, я покинул свой кабинет, направляясь к отцу, на ходу застегивая на пиджаке пуговицы, все, кроме нижней.

–Алексей Федорович? Хотели видеть меня? – отец говорил по телефону, жестом пригласив меня сесть в кресло напротив, и смиренно дожидаться, пока он закончит разговор.

–Да, Никита Алексеевич, – обратился отец уже ко мне, завершив разговор и отложив в сторону мобильный.

–Поскольку в наших краях, то бишь, в гостях у матери с отцом в Александровке, ты гость крайне редкий, я решил побеседовать с тобой здесь.

–Я весь во внимании, – не люблю я такие разговоры. Сейчас либо нравоучения начнутся, либо упреки в сторону моего образа жизни. А лучше бы по работе отчитывал, чем занимался воспитанием, когда попытки перевоспитать взрослого мужика заведомо провальны.

–Как слетали?

-Нормально. Дело пахнет жареным, па, потому давай ближе к сути, – отец сделал глубокий вдох, скрестив пальцы и наклонился ближе ко мне, изучая меня своим профессорским взглядом.

-Не хочешь жениться? – коротко и ясно. Что бл*ть? Ни черта не ясно! С чего вдруг такие вопросы? Или это было пожелание отца, которое требовалось выполнить в добровольно-принудительной форме. Я, опешив, почесал затылок, взъерошив волосы.

-Э-э-эм, – мой ступор затянулся, потирая бровь, я боялся выдать хоть что-то, потому что все мои мысли и варианты ответов, сопровождались нецензурной бранью.

-А зачем? – все же решил поинтересоваться я.

-И, если на то пошло, на ком?

-Ну даже на Алише, вы же уже долго в отношениях. Я подумал, что это будет очень выгодный союз. Для души, тела и для имиджа, – ага, вот оно для чего, для имиджа, потому что весь предыдущий бред, сказанный отцом, не имел абсолютно никакого отношения к этой идее сосватать меня американке.

-То есть, ты предлагаешь мне фиктивный брак?

-Почему сразу фиктивный? Ты же не просто так с ней встречаешься, – меня начинало порядком раздражать это хождение вокруг да около. Все попытки отца сгладить углы, и скрыть истинность данного намерения были слабо подкреплены аргументами.

-Ты бы хоть подготовился получше, а то подобные речи не особо побуждают меня бежать в ЗАГС и ставить штамп в паспорте. Разрешите откланяться, считаю разговор бессмысленным, а по сему, законченным, – резко, в какой-то степени неуважительно по отношению к своему родителю выпалил я. И не дожидаясь отцовского разрешения, покинул кабинет. Хмурый, как грозовая туча, я быстрым шагом направился обратно к себе.

– Меня ни для кого нет, Ира, перенеси встречу на завтра, – отдаю указания секретарше, понимая, что сегодняшняя встреча с клиентами не приведет ни к чему хорошему. Я сейчас не игрок защиты, мне бы только в нападение, потому предпочитаю уединиться.

Я задумался о наших с мисс Хилл отношениях, развалившись в своем кресле и повернулся к окну, растворяясь в видах мегаполиса, открывающихся в панораме верхнего этажа.

Проанализировать четыре года регулярных встреч по работе, в постели и для галочки, чтобы считалось, что я состою в отношениях, появления на праздниках и внештатных мероприятиях. Хорошо. А что за человек был со мной рядом? Я даже не потрудился узнать о том, что из себя представляет эта женщина. Чем увлекается, какие ее вкусы, какие предпочтения в еде. Будучи с ней столько раз в ресторанах, я не обращал внимания на то, что она заказывает. Мне было не интересно.

А Ритка любит пиццу и пасту. Нет, макаронки. Усмехаюсь нахлынувшему воспоминанию с горечью и тоской. Я знаю, что она любит ванильный шампунь, аромат ее духов – неизменный Lacoste Pour Femme, я даже запомнил название парфюма. Она обожает персики и черешню. Молочный коктейль, именно банановый. А еще у нее аллергия на киви и не здравая любовь к чизбургерам из макдака. И все это и еще много чего другого, я успел узнать за тот мизерный промежуток времени, что был с ней.

Возвращаясь к потенциальной кандидатке в мои жены, Алише. Я даже номер телефона ее не пытался запомнить, не считая нужным забивать лишним свою память. Я понятия не имел какие она фильмы любит, какую музыку слушает. Мне было абсолютно все равно, потому что я не впускал ее в свою жизнь так глубоко, как впустил однажды Дорофееву. И мне нравилось расстояние, на котором я держал Алишу. Четыре года – это срок, который я просто коротал от встречи к встрече, пытаюсь найти в нелюбимой женщине то самое лекарство. Но вот сейчас понял, эффект нулевой.

В своих рассуждениях я просидел довольно долго, наблюдая, как постепенно Москву накрывают сумерки. А когда решил, что пора бы заканчивать мозговой штурм, обнаружил, что из всех, кто был в офисе, остались только я и моя помощница-трудяга. Сколько моментов остаться в офисе наедине со мной она подловила? Раньше я как-то не утруждался подсчетом таких переработок.

-Ирина Юрьевна, а зайдите ко мне, – нажав кнопку переговорника, я пронаблюдал, через стеклянную дверь своего офиса, как Маркина отвечает, обернувшись на меня, установив зрительный контакт. Наверное, это и был момент, когда механизм был запущен...

Ира вошла в кабинет, и я машинально окинул ее изучающим и оценивающим взглядом, под натиском которого, Маркина залилась краской, но гордо подняв голову, подошла к моему столу. Кем она была? Бедной и наивной овечкой, готовой бежать куда укажут или опасной львицей, которая вышла на охоту, выстраивая какие-то свои планы? Подобные эксперименты однажды могут ударить по карману, но я был готов раскошелиться. Сегодня я, как никогда был щедр!

-Хорошо выглядите, Ирина Юрьевна. Но, по-моему, расстегнутых пуговиц слишком мало, – усмехаюсь хищной улыбкой, опуская взор на откровенное декольте секретарши. Ее грудь красиво вздымалась от учатившегося дыхания. Так дышали пышной грудью, барышни, перетянутые корсетами.

-В зависимости от того, с какой целью Вы меня вызывали, я могу подумать, стоит ли расстегнуть еще парочку, Никита Алексеевич, -уверенно отвечает Маркина, словно давно вынашивала зазубренную фразу, выжидая лишь подходящего момента.

-Интересно, какие же цели предполагают этот скромный стриптиз?

-Может и не скромный. Но все зависит от жалования, – я засмеялся, запрокинув голову назад. Не в глаз, а в бровь! Вот же сука продажная. Я, конечно, предполагал, но такой наглости не ожидал. Хотя, похвально, знает, чего хочет.

-Такими темпами мне проще шлюху по устоявшемуся тарифу заказать, – фыркая с презрением я.

-Мне заказать для Вас проститутку? – невозмутимо спрашивает Ира, выгибая дугой одну бровь.

-А ты и в проститутках разбираешься, что ли?

-Вы многие мои таланты не замечали и недооценивали, Никита Алексеевич, – для меня это прозвучало как вызов. Я откинулся на спинку кресла, похлопав ладонью по своему колену, не сводя взгляда с девушки, которая откровенно предлагала свои услуги. И она знала, что продемонстрировать. Опустилась передо мной на колени, расправившись с ремнем и вжикнув молнией на моих брюках. Освободила плоть, что была в полной боевой готовности и умело обработала, став жадно сосать прибавку к своей зарплате.

-Эх, такого кадра бордель потерял, – усмехаюсь, своеобразно похвалив “талант” Маркиной. Остановив девушку, я поднялся, глядя на нее сверху вниз и, запустив руку в копну рыжих волос, надавил на затылок, взывая к продолжению, скользя твердой головкой по припухшим губам профессионалки. Вытащив полы рубашки, я развязал галстук, наблюдая за “работой” своей помощницы, подаваясь бедрами глубже в ее горячий рот. Она же, остановилась, обводя кончик члена языком, и поднялась, потянувшись к моим губам. Сжав рукой ее лицо, отвернул ее от себя.

-Во-первых, я не целуюсь со шлюхами. А во-вторых, не целуюсь после минета. Ощущение того, что облизываешь свой член, не особо меня заводит. А в-третьих, я не закончил, – властно надавливаю рукой на ее плечо, заставляя опуститься обратно на колени. Я не собирался трахать свою секретаршу. Да и на такое окончания рабочего дня я не рассчитывал, но если попалась такая безотказная барышня, которая взяла в рот по первому мановению пальцем, то почему отказывать себе в удовольствии. Я решил проверить насколько далеко готова зайти Маркина в своих алчных порывах, а в награду получил дозу удовлетворения, сбросил груз, прямиком в ее продажный ротик и отчасти на грудь, рвущуюся на волю из декольте.

-Оценю твои старания в денежном эквиваленте. Сумма зависит от качества, Маркина, как думаешь, насколько тянет твой минет? – я вывел Ирину своим безразличием, обломав все ее надежды на секс на письменном столе. Не дожидаясь ответа, привел себя в порядок и собрался на выход.

-Свет погасишь, как будешь выходить. Всего доброго, Ирина Юрьевна, – вот такие у меня были отношения. При опытной женщине под боком, я искал утешения на стороне. Потому что не мог сполна получить того наслаждения, которого требовало не только мое тело, а душа и сердце. Выискивая в представительницах платной любви ту, которая будет похожа на Нее, представлял Ее, бредил Ею.

С Ритой мы ни разу не виделись чуть меньше года. Наши встречи сводились исключительно к тому, что мы пересекались на днях рождениях своих общих друзей. Не более того. Друг друга со своими днями рождения мы холодно поздравляли в смс сообщениях. Даже не отвечая на них благодарностями.

И вот очередная наша встреча предстояла нам на празднике Васильева Владислава Сергеевича, которому Ритка приходилась крестной. Потому все бросит, но к Владьке приедет.

Что со мной творилось, когда я увидел ее?! Со всей былой ненавистью, я вспомнил, как велико это чувство по отношению к ней. Но я лгал себе, убеждал себя, что именно ненависть заставляет мое сердце галопом нестись куда-то в пропасть. Как моментально возрастает желание притянуть ее, обнять, зарыться носом в черные как смоль волосы, вдохнуть аромат ванили и задохнуться им. Как манят губы, покрашенные красной помадой. Как хочется коснуться родинки над верхней губой, едва ощутимо, подушечками пальцев. Как хочется поцеловать каждую родинку на ее теле. Хочется раствориться в ней, пропасть, забиться и бесконечно любить. Я был контуженный этой любовью к ней.

И только опомнившись от того, как глубоко меня окунуло в чувства к ней, что я таил в себе, как спящий вулкан, внезапно проснувшийся от этой спячки, замечаю ее хахалю. Точнее я увидел машину. А Рита открыла переднюю дверь со стороны пассажира, выпорхнув с авто. Если бы ее привез водитель – она бы разместилась на заднем сидении. А тут все было очевидно, и даже тонировка в дым, отчетливо вырисовала мне всю суть картинки, которую Дорофеева лишь подтвердила своей лукавой и маняще-игривой улыбкой, брошенной напоследок тому, кто был за рулем Тойоты Прадо.

Я вспыхнул яростью, забыв про то, что пришел на этот вечер со своей спутницей. Я вообще последние несколько дней забывал о ней, с головой погружаясь в работу и умышленно задерживаясь в офисе. Каково было мое удивление, когда мисс Хилл решила явиться после окончания рабочего дня, когда в офисе остались я и Маркина. Но, уверяю, в этот вечер я был занят своими делами и мне было абсолютно плевать на полупрозрачную шифоновую блузку и короткую юбку. Маркина даже попыталась прямо намекнуть, касаясь руками моих плеч, разминая их. Брезгливо откинув ее руки, я велел ей уйти и, либо заняться работой, либо идти домой и не маячить у меня перед глазами. Ирина обиделась, крикнув в мой адрес непристойные угрозы о том, буду сидеть и “качать мышцы”

правой руки и удовлетворять себя сам. В наказание, руки качала Ирина Юрьевна, получив от меня два реестра документов, которые нужно было проштамповать. Будет она мне диктовать свои условия. Кто платит – тот и заказывает музыку. И лучше бы Ирочке не выпендриваться, чтобы я не заказал для нее похоронный марш.

Алиша подросла как раз в момент моего отходняка, потому что я вскипел, сорвавшись на помощнице. Да и на Алише я срывался довольно часто. И за четыре года не позволил ей задержаться у меня дома дольше, чем на ночь. Не хочу, чтобы она привыкала, а уж тем более, чтобы начала себя ощущать хозяйкой. Она усердно пыталась захватить мои холостяцкие покои. Да! Именно холостяцкие, потому что я не собирался признавать серьезность отношений, даже несмотря на то, что они были длительные. Но мое упрямство было непробиваемо. Потому мы с мисс Хилл чаще были на расстоянии, чем рядом.

Мне хватило лишь мгновения, когда я понял, что снова пропал. Пропал, как однажды, увидев танцующую на танцполе девчонку. Потерял себя и загорелся желанием заполучить ее. Но не сумел удержать, когда осознал, что мне нужно больше. И каждый раз при встрече приходилось сжимать добела кулаки, держать себя в руках, чтобы не схватить ее за плечи, не встряхнуть хорошенько, заглянув в глаза и добиться ответов от нее. Как у нее получается держать меня, почему спустя годы не могу забыть о ней, зачем хочу ее, зачем люблю?!

Вместо этого, я только усугублял ситуацию, продолжая превращать нас в заядлых врагов, что ведут холодную войну. А в любви ведь и правда, как на войне.

Разговора не сложилось, потому что я сразу начал его с недовольства и оскорблений. Я унижал Ритку, размазывал ее, упрекал в ее недостатках, совсем не задумываясь о своих. А она терпела и продолжала любить. Как низко вот так ломать и уничтожать любимую женщину. Но я не мог остановиться, даже спустя годы, словно это была защитная реакция от нее. Будто надеялся, что она увидит во мне морального уroda и ее любовь угаснет. Я не заслуживал ее.

Поругавшись, с моей подачи, я лишь проследил, как Рита покидает ресторан, сам же остался сидеть в компании недовольной Алиши. Она буравила меня ревнивым взглядом, а я только сильнее закипал от этого. И чтобы как-то отвлечься, я пустился во все тяжкие, опрокидывая в себя бокал за бокалом.

–Никита, в чем дело, может тебе уже достаточно? – монотонно бляла мне на ухо Алиша. А меня ее голос только выводил из себя пуще прежнего.

–А может ты не будешь мне указывать, и я сам решу, когда мне достаточно? – Алиша не выдержала и схватив свою сумочку, вылетела из ресторана. Скатертью дорожка, дорогая. Перебесишься. Учитывая то, что, как и мой отец Алиша мечтала о свадьбе.

Я же, выпив еще немного виски, подошел к Насте.

–Вась, скажи мне ее адрес.

–Даже не думай, Измайлов. Только не после вашей очередной ссоры и не в таком состоянии, – Настя разволновалась. Где-то на подсознательном уровне я понимал, что она права. Что алкоголь во мне способен сподвигнуть меня на глупые поступки, последствия которых могут быть ужасными.

–Сейчас Настя, сейчас. Если ты не скажешь, то я все равно узнаю его. Главное задаться целью. Думаешь я не хватался и не собирался добыть всю информацию о ней? О том, где она, с кем? Просто останавливался вовремя. А сейчас, пьяный тариф активирован, и я готов довести начатое до конца.

–Зачем она тебе, Никита? Ты же усердно все эти годы пытался ее вычеркнуть из своей жизни.

–Пытался, Настя, пытался. Но не могу. Не знаю как. Ломает по ней, – Васильева лишь покачала головой. Но назвала адрес.

–Прошу тебя, без глупостей, Измайлов. И такси вызови, не вздумай за руль садиться! – кричала вдогонку Настя, но я как ужаленный несся к Дорофеевой. Словно боялся, что будь я в трезвом состоянии, никогда бы не дал развития этому порыву.

Приехав в Пресненский, я кое-как припарковался. Консьерж на первом этаже напрочь отказывался меня пускать, грозился вызвать полицию. Сообщив о том, что Маргариты Александровны все равно дома нет, потому мне стоит уехать.

– Не уеду я никуда, мать твою! – с рыком, я ударил кулаком в металлическую дверь, продолжая ломиться.

– Я подожду на этаже, пусти меня. Я тебе денег дам! Хочешь полицию вызывать – вызывай! Но я не уйду, тебе ясно! – продолжал я буйнить, выдохшись в какой-то момент, понимая, что, наверное, не судьба. Что Ритку оберегает от меня ее Ангел Хранитель. На кой черт я ей сдался со всей своей придурью в голове?

В этот момент запищал домофон в парадном и в дом влетела Дорофеева. Я даже не сразу осознал, что это не мое разыгравшееся воображение, что это не галлюцинации от переизбытка алкоголя в крови.

– Малышка... девочка моя, – хватаю руками ее лицо, когда она уже так рядом. Пьяным затуманенным взглядом всматриваюсь в любимые глаза, а Ритка отворачивается. Убирает мои руки, шумно выдыхая. Злится.

– Люблю, когда ты злишься, Дорофеева, – пьяно я улыбаюсь, стараясь снова поймать Риту в свои объятия. Она же улизнула, подбегая к консьержу. Что-то звонко щебетала ему, а после вернулась ко мне, схватив под локоть и потащив за собой к лифту.

– А помнишь, как хорошо было в лифте? Ты уже не боишься? – я попытался прижать Риту своим телом к стенке лифта, но Рита оттолкнула меня.

– Не прикасайся ко мне! Ты пьян, Измайлов! – срываясь на крик, Дорофеева так и держала вытянутой руку, чтобы я не приближался. Остальное я помнил смутно. Стоило коснуться головой подушки, как вертолеты закружили меня, и я уснул мертвым сном.

Проснулся лишь на рассвете, где-то часов около шести утра. Не сразу понял, где я. Привстал, щурясь от боли в голове и осмотрелся по сторонам. В комнате я один. Одежда аккуратно сложена на кресле. А на прикроватной тумбочке стоит бутылка воды и пластинка аспирина. Позаботилась девочка. Стыдно сейчас ей в глаза смотреть. Но стоило бы объясниться. Хватит вести себя как дурень. Но почему-то с ней по-другому у меня не получалось.

Глава 3

Нацепив маску, я снова делала вид, что все хорошо. Я не хотела, чтобы кто-то посмел заглянуть под нее. Ведь под ней можно увидеть лишь сломанную напроочь психику, искалеченную душу, и больные, страшно больные глаза. Я так долго носила эту маску безразличия, сменяя ее наигранным спокойствием и несуществующей радостью, что уже забыла кто я есть на самом деле. Даже сорвав эти образы, я не была собой. Я была творением Измайлова. Он тщательно слепил меня ту, кем я стала теперь. И самое смешное, ему это не нравилось.

Сидя на заднем сидении машины, я пустым взглядом смотрела на дисплей своего телефона, надеясь, что мне сейчас все же позвонит Саша. Я смогу выговориться, а он, как пес залижет мои раны. Хотелось ли мне, чтобы этот пес был верен мне? Смотрел щенячьими глазками и бегал за мной хвостиком? Трудно сказать. За четыре года я ни разу не виделась с Гордеевым, только изливала душу по телефону и набиралась сил после его утешений. Он пытался вразумить меня. Хотя сам нуждался в таком же мозгоправе, коим стал для меня.

–Маргарита Александровна, куда Вас отвезти? – послышался голос Виталия, вырвавший меня из моего зависшего состояния. Вопрос с подвохом, скажу я Вам. Но эти уловки я научилась распознавать. У Олейника я была под тотальным контролем. И все эти фразочки из оперы “пускай Виталик отвезет, куда скажешь” были ничем иным, как попыткой узнать куда же понесет меня окаянную. Все эти годы я чувствовала себя отверженной и проклятой, пожиная плоды собственной глупости и ошибок молодости. Если уж я и хотела где-то развеяться, потеряться и побыть наедине со своими мыслями, я вызывала такси. Даже на своей машине не ездила, догадываясь, что ее запросто смогут отследить.

–К Евгению Николаечу, – уверенно отвечаю водителю. Женя ведь ждал. А я уже давно усвоила урок, если быть послушной девочкой, то обязательно последует приятное поощрение. Я стала дрессированной зверушкой, за выполнение команды получая лакомство. Но не потому, что меня так приучили и заставляли. А потому, что это было выгодно мне.

Сделав глубокий вдох, стоя перед дверью квартиры своего любовника, я нажала на кнопку звонка. Женя открыл не сразу, я уже было подумала, что Олейник спит, хотя на часах было около одиннадцати вечера. Когда дверь распахнулась, я сразу увидела удрученное состояние мужчины. Он молча пригласил меня

войти, шире открывая дверь и отступая в сторону. А после поднес телефон к уху, продолжив, видимо, уже давно начатый разговор.

-Доставка еды это! Чего ты ерепенишься! – рычал Женя в трубку. Я сразу поняла, что разговаривает он со своей женой. Стало мерзко и я передрогла от необъяснимого ощущения, которое пронеслось по моему телу. Женя размашистыми шагами мерил комнату, продолжая спорить с супругой.

-У меня кампания! Я как собака выматываюсь на работе, а ты пилишь и пилишь. Нечем заняться, милости прошу в офис, будешь контролировать каждый мой шаг, чтобы дурь в голову не лезла, – он замолчал, слушая тираду на том конце трубки, которую я детально не могла расслышать, но вопли в трубке были слышны отчетливо.

-Какая девка, Юля?! – Женя подошел ко мне, касаясь рукой моей щеки и целуя в висок, – решив все же поздороваться, понимая, что приветствие затянулось.

-Короче, не трепли нервы ни мне ни себе. Если моча в голову стукнула, ты знаешь где я, хочешь приезжай. Конечно! Успею повыгонять всех любовниц до твоего приезда. Весь гарем, бл*ть! Спокойной ночи! – на довольно агрессивной ноте закончил разговор Женя, шумно выдыхая и откладывая телефон. Между нами обстановка была накалена до предела. Слово его жены о любовнице, сработали как стоп-кран и Женя держал дистанцию.

-Ясно. Женя, если ты приходишь ко мне, или меня зовешь к себе, так будь со мной! Оставляй свою жену и детей дома! – ревностно выпалила я, схватив с дивана сумку и собралась уходить.

-Удумала мне сцены закатывать? Ты вообще-то здесь на птичьих правах. Так что молчала бы в тряпочку!

-О, как мы заговорили, Евгений Николаевич! Тогда нам стоит пересмотреть все пункты нашего договора. И, насколько мне помнится, в нем не упоминалась слежка за мной и контроль каждого моего шага. И Виталька твой шестерка, которого ты постоянно мне навязываешь.

-Слушай сюда, Рита, – Женя в один шаг сократил между нами расстояние, схватив меня рукой за лицо, сжав пальцы с такой силой, что я невольно

скривилась от неприятных болезненных ощущений. Он заставлял смотреть ему в глаза, не позволяя отвести взгляда. А в моем взгляде не промелькнуло ни капли страха. Я словно забыла об инстинкте самосохранения, продолжая дразнить дикого зверя.

-Не смей говорить в таком тоне и претензии свои держи при себе. Иначе я быстренько напомню, что ты гадкий утенок, и отправлю на помойку, на которой нашел тебя.

-Ты себя на помойке нашел, Олейник, - выплюнула я ему в лицо, схватив за руку, резко убирая ее от своего лица.

-Я не просила тебя делать мне подачки. Это ты решил, что нужно платить за то, что я с тобой сплю.

-Так ты, шлюха продажная, и отказывать не стала! - ядовито усмехается он мне в лицо, думая, что это меня заденет за живое? Ммм, дорогой, эту фразу мне говорили так часто, когда я была примерно девочкой, что теперь я сама верила в эти слова. И вовсе не отрицала очевидного.

-Дура я что ли? Ты мужик видный, сил в тебе еще достаточно. Секс меня устраивает. А жизнь меня научила принимать подарки. Сколько выгоды с этого всего получила.

-Как защебетала, Дорофеева. А если я закрою все карты, которые тебе на карманные расходы предоставил, если попру тебя с работы, вышвырну с квартиры? Как потом петь будешь?

-Хах, Евгеш! У меня высшее образование. Я девочка видная и не боюсь работы, так что найду куда себя пристроить. Ах, да, еще у меня отличный опыт богатых мужиков обрабатывать, так что не пропаду!

-Сука! - вот на этих словах, я поняла, что надо делать ноги. И не просто с гордо поднятой головой, вальяжно покачивая бедрами, выйти из квартиры. Нужно было бежать, что я и сделала, рванув ко входной двери, успев ее приоткрыть, но удар мужской ладони и приложенная сила, тут же закрыли передо мной путь к отступлению. Женя схватил меня за плечи, резко поворачивая к себе. Въедался в меня ненавистным злобным взглядом, был готов уничтожить меня прямо здесь

и сейчас, раздавив как никчемную букашку. Я же молча смотрела на него исподлобья, ловя на себе его сбитое дыхание. Рука Жени скользнула от плеча, по ключицам, выше. Обвивая пальцами мою шею, он сдавил руку, заставляя меня приподнять голову. Его взгляд потемнел, и я знала, что Олейник уже не убить меня хочет, он просто меня хочет. Но еще противится своим желанием, строя из себя безжалостного палача. Обхватив руками его лицо, я потянулась к нему, жадно впиваясь в губы мужчины поцелуем. Пылким, горячим, дерзким. Размыкая его губы языком, проскальзывая в его рот, лаская его язык своим. Кусаю его губы, не с нежностью, а грубо, нагло. И как бы он не диктовал мне свои правила, как бы не доказывал, что я принадлежу ему, на самом деле это он принадлежал мне. Целиком и полностью, став зависим от меня. Женя ответил на поцелуй с такой же страстью, зарываясь рукой в мои волосы, властно сжав их в кулаке, потянул вниз, тем самым заставляя меня запрокинуть голову назад. Прикусив нижнюю губу, оттянул ее, и я невольно простонала, зажмурившись. А после Олейник очертил контур моих губ языком, словно успокаивая их от жестких терзаний. Вторая рука скользнула по изгибу талии, по бедру ниже. И подцепив пальцами подол моего платья, Женя потянул его вверх, оголяя мои ноги и бедра. Губы спустились к шее, и нежную кожу жгло и саднило от жадных поцелуев и грубых покусываний.

Ладонь мужчины опалила нежные участки тела, и он огладил меня через ткань мокрых трусиков, самодовольно усмехнувшись. Сжав свою руку у меня между ног, замер, глядя мне в глаза, а у меня ноги подкосились, и я едва не рухнула на пол от резкого возбуждения, что прошибло будто током. Я пыталась скрывать свое желание с этим мужчиной. Всегда. Часто не позволяла себе проявлять весь спектр своих эмоций, охватывающих во время наслаждения. Но он умело читал язык моего тела, которое отзывалось на его ласки. По затуманенным от желания глазам видел, что я готова отдаться ему.

Олейник отпустил мои волосы, провел пальцами по моим губам, и я обвожу языком его большой палец, вбирая его в рот, посасывая, не отводя взгляда от своего любовника, вижу, как ему нравится то, что я делаю. Рука его снова сжимает мою шею, а шаловливые пальцы второй, уже проскальзывают мне в трусики, лаская меня между горячих лепестков, надавливая на твердую горошину, прикосновение к которой снова заставляет меня вздрогнуть. Я готова была осесть на пол, но Женя властно удерживал меня, продолжая дразнить, входя в меня пальцем. С моих губ сорвался стон, смешанный с выдохом, и я закрыла глаза.

–Смотри на меня, детка. Хочу видеть твой томный взгляд, – шепчет Женя мне в губы, и я исполняю его прихоть. Он улыбается, снова целуя меня. Спускаясь поцелуями по шее к ключицам. Заводит руку мне за спину, заставляя выгнуться и податься вперед, от чего я ощутила его пальцы еще глубже в себе, схватившись с силой за плечи мужчины. Одним движением он расстегивает молнию на платье, стягивая его с плеч, вместе с бретелями бюстгалтера. Не удосужившись даже полностью обнажить меня, он стянул ткань кружева с груди, властно сжав упругую полусферу и обвел языком твердую от возбуждения жемчужину соска, прикусив ее, и снова приласкал языком, втягивая в себя.

Когда его пальцы покинули мое лоно, он еще раз огладил пылающую и пульсирующую от желания плоть. Рывком повернув меня лицом к двери, стянул мои трусики до колен. Торопливо расстегнул свои брюки приспуская их вместе с нижним бельем. Одна ладонь надавила мне на поясницу, заставляя прогибаться в спине, а второй он направил себя, ворвавшись в меня грубо и жестко, замирая, когда я вскрикнула, сама не понимая, то ли от внезапной боли, то ли от удовольствия, что разлилось по всему телу, когда он наполнил меня. Дав мне привыкнуть к себе, Олейник начал двигаться, размеренно и глубоко, наращивая темп, неистово вбиваясь в меня, выбивая с моей груди стоны, смешанные с криками. Руки блуждали по моему телу, сжимали бедра, сильнее насаживая меня, скользили выше по талии, сжимали грудь. Пальцы теребили возбужденные соски, слегка прижимая их. А губы опаляли мое тело, спину, плечи, шею. Это какое-то страстное безумие. Бесчувственное. Ведь душа не испытывала ничего. А тело было довольно тем, как его балуют жарким и пылким сексом.

–Да... – на выдохе простонала я, содрогаясь от быстро подступившего оргазма. Олейник, разгоряченный ссорой, заведенный желанием, и насладившийся тем, что довел меня до пика удовольствия, буквально через несколько толчков догнал меня, замирая и пульсируя во мне, изливаясь от наслаждения, медленно совершая еще несколько плавных движений, пока окончательно не замер во мне.

–Детка... прости меня, – шепчет мне в волосы, и нежно целует за ушком, все еще тяжело дыша. Самым правильным решением, по моему мнению, было просто промолчать на этот его порыв извиниться, под воздействием полнейшего удовлетворения.

Какое-то время мы просто молчали, так и стоя, прижимаясь друг другу разгоряченными телами и приводя в порядок дыхание. Душ мы приняли по отдельности. Хотя и можно было устроить еще один заход, более спокойно и чувственно, но я строила из себя недотрогу. Олейник же сказал, что еще не вечер, подразумевая, что ночью просто так уснуть мне не даст.

Я вышла из душа, обмотавшись полотенцем, вторым вытирая мокрые волосы.

-Тебе какой-то Вася наяривает, – злобно прошипел Женя. Я же только усмехнулась, подойдя к мужчине и запечатлев на его губах сладкий поцелуй.

-Вася это Васильева Настя, – успокоила я своего ревнивца, перезванивая подруге. Новости, которые я услышала, меня привели в ужас. Мною начало не просто трясти, мною начало колошматить. Вот чем дальше, тем веселее. Особенно, когда дело касается меня и Измайлова. Напившись, этот безумец поехал ко мне на квартиру, а Настя тоже хороша, адрес дала.

-Ну ты же знаешь, что он бы все равно его достал, через пятого-десятого. Мне кажется, от этого было бы больше шумихи... Может поговорите наконец. Выясните все. Да, я тебя поддерживаю в каждом твоем решении. Но все мы знаем о ваших чувствах друг к другу.

-С кем поговорить? С вискарем, которым он весь вечер упивался? Черт. Ладно, еду, – сбрасываю вызов, торопливо начиная одеваться.

-Далеко собралась? – холодный голос, пробирает меня насквозь, въедаясь под кожу, сдавливая горло и перекрывая кислород. А я должна набраться храбрости, чтобы солгать, ни на секунду не усомнившись в своей лжи. Ну я-то умею...

-У Насти муж напился. Поругались. Поеду к ней, – уверенно отвечаю я, не глядя на Женю.

-Виталика сейчас вызову, пусть завезет.

-Жень, дай ему отдохнуть, что ты его гоняешь постоянно.

-Это его работа, я ему плачу.

-Ты всем платишь, Евгеш, – ехидно улыбнувшись, склонилась к сидящему в кровати мужчине, целуя его в губы.

-Накажу, Дорофеева, за язык длинный.

-Обязательно накажешь, – улыбаюсь я, на ходу вызывая такси и выбегаю с квартиры, крикнув напоследок, чтобы Олейник закрыл за мной двери.

Если бы я приехала парой минут позже, этот пьяный придурок устроил бы в фойе дома погром. Увидев меня, бросился ко мне, хватая руками мое лицо, шепчет свое “Малышка”, а у меня внутри все сжимается от боли и воспоминаний. Но я не поддаюсь на этот бред сумасшедшего под воздействием алкоголя. Отталкиваю Никиту, бегу к консьержу, извиняюсь и прошу, чтобы не разглашал об этой ситуации, задоблив ее купюрой с дядюшкой Франклином. Благодаря своему депутату, я знала, как задобрить человека. Ну, что уж скрывать, не задобрить, а подкупить, дав на лапу.

Вернувшись к Никите, хватаю его под руку, таща к лифту. Он продолжает лезть ко мне, стоит массивной двери закрыться. А меня злость берет. Никита сейчас настолько противен мне, что я вытягиваю руку, держа его на расстоянии и отворачиваюсь, чтобы не задохнуться от запаха алкоголя, которым разит от Измайлова.

С трудом мне удалось уложить этого дебошира спать. И я с облегчением выдохнула. Скандала в таком состоянии я бы не выдержала. Никите вообще пить противопоказано. От алкоголя люди тупеют, по себе знаю. Совершают необдуманные поступки. А Измайлов так вовсе превращается в кого-то совершенно другого, незнакомого мне.словно все это время в нем живет два разных человека, и этот второй, жесткий, настойчивый, вырывается на свет, стоит подпитать его выпивкой.

Аккуратно сложила одежду, которую стянула с Никиты. Поставила на прикроватную тумбочку бутылку воды и аспирин. Знаю, утром его голова будет гудеть от похмелья. И задерживаюсь у кровати, глядя как он спит. Так беззаботно и крепко, умиротворенно посапывая. Невольно улыбнулась, коснувшись рукой его лба, убирая выющиеся волосы на бок. Осторожно пальцем скольжу по небритой щеке, по губам. А после касаюсь рукой своих губ, закрыв глаза и тяжело, болезненно вздыхаю, выходя из спальни.

Уснуть не получалось. Я написала смс Сашке. И к моему удивлению, он перезванивает, сонным голосом, бубня в трубку.

-Что случилось, Рит?

-Прости, что наяриваю. Просто день сегодня ужасный. Некому пожаловаться...

-Почему же некому. Я есть.

-Ты точно можешь говорить? – спрашиваю я, зная, что Гордеев живет не один, а все еще с Аленой.

-Могу, вышел на кухню.

-В общем... Измайлов. Сначала в ресторане с ним собачились. А теперь он ко мне приперся, пьяный в хлам. О чувствах былых говорил.

-Думаешь стоит в то же болото лезть?

-Да я и не вылезала из него, Саш, – с горькой усмешкой проговариваю в трубку.

-Сколько лет ты пыталась научиться жить без этих отношений и сейчас готова похерить все свои старания и усилия? – пытался вразумить меня Гордеев. А я не знаю, что ответить. Да, я безнадежно влюбленная дура, которая готова все послать к черту, лишь бы быть с Никитой. Где угодно, как угодно, только бы с ним.

Проговорили мы с Сашей до поздней ночи, когда я наконец почувствовала, что усталость взяла надо мной верх. И отпустив Гордеева спать, я и сама попыталась уснуть, скрутившись в гостиной на диване и натягивая на себя плюшевый плед.

Проснулась я от того, что ощутила прикосновение к своему плечу и теплоту, от того, что меня бережно укрывают. Открыв глаза, увидела перед собой Никиту. В Брюках, и расстегнутой рубашке, стоял надо мной. Я сразу же вскочила, усаживаясь на диване и потирая глаза.

-Прости, не хотел разбудить тебя, – мягко и с такой заботой в голосе, говорит он.

-Который час? – игнорируя его извинения, спрашиваю я.

-Половина седьмого. Рано еще, – между нами повисает тишина. А я и не знаю, как ее разбить, и о чем нам сейчас разговаривать.

-Ритка, – на выдохе шепчет Измайлов, садясь напротив меня в кресло, нервно вертя в руках бутылку с водой.

-С ума схожу по тебе. Все перепробовал. Но не могу без тебя. Подыхаю, – начинает Никита. А его слова мне поперек горла становятся, вызывая желание заплакать. И я уже чувствую, как жжет глаза, но сдерживаюсь.

-Никит, мне кажется, не лучшее время и место.

-А когда лучшее время? Еще через четыре года? Когда эта одержимость все соки из нас высосет?

-В том-то и проблема, Никита! Ты одержим, а я люблю! – болезненно выпалила я, вставая с дивана, подходя к окну, обхватив себя руками за плечи, просто пялюсь куда-то в даль.

Измайлов осторожно подошел ко мне, обнимая со спины, зарывшись носом в мои волосы.

-И я люблю тебя, Рита, – шепчет он. А эти слова как выстрел в сердце, что моментально убивает. Я лишь зажмурилась, сцепив до скрежета зубы, чувствуя, как горячие слезы покатались по щекам. “Замолчи! Не смей говорить мне о любви! После всего!” – мысленно пытаюсь заставить его молчать.

-Прости, что только сейчас говорю это, – я обращаюсь, оставаясь в его объятиях, но теперь смотрю в глаза Измайлову. Моя любимая и губящая черная бездна.

-Я у твоих ног, Измайлов. Была всегда. Ты же меня унижал, ломал, втоптывал в грязь. Уничтожал, превращая в умалишенную и зависимую от тебя девчонку. Ты

не пытался сказать о чувствах, объяснить мне все, попытаться успокоить мою душу, что металась как замкнутый в клетке зверь, – начала я свою исповедь, вываливая все, накопившееся за эти годы.

–Ты толкал меня на безрассудство. Ты не давал мне возможности быть собой. Держал постоянно в напряжении. Считал своей собственностью. Думал, влюбленная глупая малолетка никуда не денется. Так и было, я никуда бы не делась. Я бы и дальше падала к твоим ногам и кричала тебе о своей любви. Но ты отравлял ее, а я искала противоядие. А в итоге находила лишь новую отраву. Твое холодное безразличие, твоя непонятная и сложная любовь, твой характер, отношение ко мне, в куче с моим импульсивным нравом, вспыльчивостью и беспечностью, привели нас к обрыву. И не я тебя толкнула в него, и не ты меня. Мы туда вместе сиганули, – я уже не сдерживала своих слез, задыхаясь между словами, всхлипывая. Никита коснулся моего лица руками, нежно вытирая слезы, растерянным и полным боли взглядом блуждая по моему лицу. И я впервые видела в его глазах такую же отравленную любовь, которая была и в моем взгляде.

–Малыш...Зайчонок мой, прости, прошу. Я законченный идиот. Я люблю тебя, слышишь? Я всегда любил, но был глуп, что не говорил тебе. Боялся признаться, – снова и снова хлыстом меня избивали его слова, и я попыталась закрыть ему рот руками.

–Молчи, Никит, прошу... – а он хватает мои руки, убирая от своего рта, и нежно целует их, глядя с надеждой и мольбой на меня.

–Давай все забудем. Давай с чистого листа? Я снова хочу гореть как раньше. Хочу быть живым. А жизнь в меня ты вдыхала, Рита, – я обессиленно уронила голову, лбом уткнувшись в грудь Измайлова. Запах его тела... такой родной. Вот он рядом, после стольких лет расстояния. Забирай, Дорофеева! Он весь твой, без остатка. Как и ты его.

–Переспи с этой мыслью хотя бы одну ночь, на трезвую голову... – шепчу я, сама же и отталкивая свое счастье, которого я так ждала, за которым гналась сломя голову. А когда оно остановилось, вот готово быть со мной, я побежала в обратную от него сторону.

-Ты думаешь, я никогда не задумывался об этом? – каждое слово, как очередной выстрел, новой пулей вонзалось в сердце и душу. Мы убивали себя всем, словами о ненависти, словами о любви. Что же сможет сохранить нам жизнь если мы снова будем вместе?

-Никит, прошу, не надо. Я не знаю смогу ли. Да, я люблю тебя, до потери себя люблю. Но я не знаю, что хуже. С тобой погибать или подышать без тебя, – выбор и правда был нелегким. Хотя результат и первого и второго, в принципе, одинаковый.

-Я больше не отпущу тебя, Рит. Если ты не знаешь, что я точно знаю, что готов на все, только бы с тобой. Без тебя я уже не я. Ты нужна мне, малышка, прошу...

-Когда ты был нужен мне, ты оттолкнул, посчитав, что мои чувства тебя недостойны. Ты не прощал моих ошибок, и не замечал своей вины. А когда тебя начало изнутри разъедать, ты просишь начать все заново? – я на мгновение замолчала, глядя в глаза Измайлова, прикусив свою нижнюю губу. Как мне хотелось и правда забыть обо всем. Снова поцеловать любимые губы. Ощутить, что в его объятиях я спрятана от всего мира. Но не может быть все так просто, лишь по чьей-то прихоти.

-Подумай, готов ли ты сам пробовать заново, имея за спиной все наше прошлое. Определись для себя, действительно ли ты простил. Понимаешь ли ты, что не будет так просто? Что притираться придется, через себя перешагивать? – Измайлов открыл рот, собираясь что-то сказать, но я коснулась пальцем его губ, не давая ничего ответить.

-Не сейчас. Не на эмоциях, Ник. А здраво все взвесив. А сейчас... я хочу, чтобы ты ушел, пожалуйста. И если ты готов считаться с моим мнением, то уйдешь. И если все, о чем мы сейчас говорили – не брошенные на эмоциях пустые признания, мы поговорим снова. И... возможно что-то и получится, – как-то с надеждой, но в тоже время отчаянно произношу я, видя, как в глазах Измайлова надежда тоже угасает.

-Я сделаю все, лишь бы получилось... клянусь, – он запустил руку в мои волосы, поцеловав в макушку и не прощаясь ушел.

Я долго стояла в ванной, опираясь руками на раковину, бессмысленно глядя, как стекает вода. В голове творился такой кошмар, а мне не хватало сил распутать все эти тугие узелки и привести мысли в порядок. Подняв голову, я посмотрела на свое отражение в зеркале. Зеркала любят лгать, даже если ты просишь их сказать правду. На приказ показать истину они всегда отвечают смехом и искажением реальности. Юлят, ловчат, изворачиваются и... лгут, лгут, лгут... Врала себе и я, думая, что смогу со всем справиться. Но чувства и обстоятельства были сильнее меня.

Лучше бы Измайлов устроил мне скандал, лучше бы мы снова ругались, кричали о ненависти друг другу. К этому мы давно привыкли. Подобные слова уже не били, не причиняли боли, не вызывали никаких чувств, воспринимались мной, как в порядке вещей. А вот долгожданные слова любви оказались отрезвляющей пощечиной, которая все еще жгла мое лицо в месте вымышленного удара.

Так долго мечтать о признании и взаимных чувствах, чтобы после от них отказаться? Дура душой, что тут еще сказать.

Я должна была взять себя в руки и ехать на работу. Нужно жить дальше так, словно ничего не произошло. Я пускала все на самотек, надеясь, что время самостоятельно распутает клубок накопившихся мыслей в голове и правильно выставит фигурки на шахматной доске. Но я и подумать не могла о том, что в этой партии я лишь пешка, стоящая под ударом черного ферзя.

Зарывшись в работу, я сидела в офисе, попивая холодный бескофеиновый латте, ковыряя чайной ложкой вишневый чизкейк, когда на мою личную почту пришло письмо от неизвестного отправителя.

“Это Олейник Юлия, со своими детьми и супругом Олейником Евгением. На фото ты видишь счастливую семью, в которую ты влезла и умело разваливаешь. Это Васильев Владислав – мальчонка, в котором ты души не чаешь. На этом фото от так мило и жизнерадостно улыбается. Не хотелось бы, чтобы с ним что-то случилось. На следующем фото Гордеев Александр – палочка-выручалочка. Надо бы его девушке Алене узнать о существовании подружки в лице бывшей, у своего парня. Это Алиша Хилл, тоже будет рада увидеть тебя с Никитой. Ну и напоследок. Фото в подписи не нуждается. Измайлов Никита Алексеевич, о котором ты должна забыть, иначе поочередно начнут страдать все вышеперечисленные. Включая Никиту и тебя. Неправильное решение разрушит

жизнь каждого упомянутого. С кого начать? Может с самого маленького? А чтобы ты убедилась в том, что я полностью контролирую тебя, ниже самая безобидная порция собранного на тебя компромата. Это первое предупреждение. Мышка попала в мышеловку. До связи”

Я перечитала этот текст несколько раз, просматривая все фото и открыла архив с тем самым компроматом. Выписки из моих переписок с Сашей. Немного пошлые, где-то отчетливо виден флирт. Фотографии с кабинета Жени, довольно откровенные, где он обнимает и целует меня. Снимки, где мы вдвоем по адресу его городской квартиры. Еще пару фото, сделанных явно на стопе видеозаписи, со вчерашнего вечера, где Измайлов увидел меня в фойе дома. На снимках он держал меня руками за лицо, и мы были так близко, что можно было запросто подумать о последующем поцелуе. Далее мои фото, в супермаркете, в спортзале, на празднике Владьки в ресторане. Компромат и правда был. Я даже сложила в своей голове смысловую цепочку. Попади фото со мной и Женей к его супруге – апокалипсис. Окажись в руках Олейника кадр со мной и Измайловым – апокалипсис. А если переписка с Сашкой попадет в руки кому либо, включая Алену, Никиту и Женю – АПОКАЛИПСИС! Каждый из них уничтожит меня. А я только поняла, что я сама уничтожила себя. Как можно любить одного, спать с другим и флиртовать с третьим? И только теперь я осознала, какие опасные игры я вела и насколько серьезными могут быть последствия того, что попыталась прыгнуть выше головы. Что я кому хотела доказать, что я строила из себя, куда лезла, если этот зубастый мир был готов проглотить меня, не прожевывая. А я только глупая простушка, возомнившая себя расчетливой стервой, роковой женщиной, которая все держала под своим контролем. Ни фига подобного! Это письмо с угрозами было тому доказательством. Это я была у кого-то под полнейшим контролем. И почему-то сейчас в моей голове промелькнула мысль, что моя паранойя по поводу слежки была вполне оправдана. Только следил за мной, наверное, не Олейник, как я предполагала.

Жизнь дала мне однажды хороший урок. Все тайное становится явным. Идти у кого-то на поводу, выполнять указания и пытаться уберечь свою задницу, поддаваясь на манипуляции и шантаж – вариант не лучший. Но ситуация немного другая. Там меня разводил пацан, который хотел потрахаться, а тут меня хотели просто разъ*бать!!! Меня охватила паника. Бросило в холодный пот. Я напрочь забыла обо всех своих душевных терзаниях и любовной Санта-Барбаре. Все отошло на второй план и только это письмо от анонима стало заботить меня. Как сделать так, чтобы все было безопасно для всех и выгодно для меня? Я не знаю откуда взялись идеи, но я поспешно распечатала мои с Олейником фотографии и удалила письмо. В корзине оно будет храниться какое-

то время. Потому такой вариант меня не устраивал. Письмо в одночасье могло разрушить мне жизнь, окажись оно не у тех людей. Восстанавливаю его, отправляю в спам и с уверенностью нажимаю “Удалить навсегда”. После себя очищаю корзину, отправленные, входящие. Я удалила все в ноль. А может лучше заблокировать себе этот ящик и создать новый? Я нервничала так, что мне немедленно требовалось принять успокоительное. Мне срочно нужно было абстрагироваться от всего, потому что будет только хуже. Но было поздно. Мой генератор идей уже был запущен и генерировал очередную ложь, как я считала, во благо.

Подскочив с кресла, я в суматохе начинаю рыскать по ящикам в столе, пересматриваю коробки с бумагами, перерываю все и, наконец, нахожу чистый конверт для документов. Бросив туда фотографии, уже готовлюсь лизнуть липкий уголок, но останавливаюсь. ДНК, все дела. Я насмотрелась фильмов, потому, в такой способ заклеивать конверт не стану. Макнув пальцы в свой ванильный латте, я смочила ими липкий слой конверта, заклеив его. А после подписала, пытаюсь как можно сильнее изуродовать свой почерк, наклонив его в обратную сторону, искажая и коверкая буквы. Дрожь пронесется по телу, от паники даже голова кружилась. Я не думала, что делаю. Я действовала машинально, необдуманно, хотя мне мой план казался идеальным. Мне всегда казалось, что я все продумываю идеально и все обойдется. Дрожащими руками разрываю конверт, достаю фотографии, еще раз глядя на них. Господи, я больше никогда не дам Олейнику на его письменном столе! Кто-то видел это во всех подробностях...

Поспешно вылетаю из кабинета и несусь к самому Евгению Александровичу.

–Маргарит Алексанна, у него интернет совещание, – попыталась остановить меня его секретарша. Но это было важнее любого звонка. Это могло разрушить его карьеру, испаскудить его статус, развалить его семью, ну и, конечно, могло отразиться и на мне любимой. Обезумевшей. Ошалевшей. Потерявшейся в недрах собственной лжи и запутавшейся в сплетенных мною же интригах.

Постучав в дверь, я открыла ее, поймав на себе недовольный взгляд большого босса.

–Маргарита Александровна, у меня важный скайп-колл, зайдите позже, – будто стальным скрежетом, пронзил он меня своим голосом, гневно испепеляя этим взглядом.

-Это срочно, не терпит отлагательств, - отвечаю я, не собираясь покидать кабинет. Вижу, как Женя закипает, но это и правда было срочно.

-Евгений Николаевич, вопрос Вашей личной безопасности, а так же, массовой утечки информации из нашего штаба, - я показываю конверт, который принесла с собой. Олейник смотрит на меня с недоверием и затаившейся злобой, за непослушание и нарушение его делового графика. Но все же, вернувшись к звонку, сообщил кому-то, кто смотрел на него с экрана голубого монитора, что перезвонит, так как у него возникли непредвиденные обстоятельства.

-Дорофеева, если ты сейчас мне сорвала важный звонок по пустякам, вылетишь нахрен отсюда как пробка! - рычит Олейник, буквально подлетая ко мне, вырвав из рук конверт.

-Жень, у тебя камеры в кабинете... - шепчу я, напугано глядя на своего любовника. Он же достал из конверта фотографии и замер, разглядывая их. Вижу, как на его скулах играют желваки, как взгляд наполняется дикой ненавистью. Женя готов рвать и метать. Конечно, наличие камер в кабинете могло значить то, что сливается много важного. Но я преподнесла только то, что касалось непосредственно меня, просто примазавшись к вероятной диверсии.

-Где ты это взяла?

-Мне в почтовый ящик подбросили, - уверенно отвечаю я.

-У консьержа уже взяли записи с камер? Курьера нашли? - мамочка, помоги мне, забыла про камеры и консьержа. Нельзя смотреть записи. Там вчера я с Измайловым засветилась. И на них видно, как вчера мы зашли вдвоем, а ушел он только сегодня утром. Это фиаско! Глаза невольно распахнулись шире, я открыла рот и только на секунду задумалась, находясь с ответом.

-В почтовый ящик в Крылатском. Наверное, не знают, что я переехала.

-Значит, за мной следят... - делает он вывод, по фото, на котором мы выходим с его машины, по адресу квартиры Олейника в Москве. Конечно! Именно за тобой. Проглотил наживку. Значит мой план сработал даже лучше, чем я ожидала.

–Срочно начальника службы безопасности ко мне! – прорычал в переговорное устройство Олейник, возвращаясь ко мне.

–Ты чего, мышка, испугалась, что ли? – он пытается успокоить меня, увидев мое напряжение и волнение. А меня передернуло всю, едва ли не вывернув наизнанку от этого “мышка”. Так меня называть сможет лишь один человек! Это раз. А два... В письме с угрозами мне ясно дали понять, что мышка попала в ловушку. И новый параноидальный приступ сдавил мне легкие, вытисняя весь воздух, заставляя задыхаться от паники. Может это все подстроил сам Женя? Но зачем?

–Детка, все будет хорошо. Это выборы. Прodelки оппонентов. Кто-то играет грязно. В политике это нормальное явление, – Женя пальцами приподнимает мой подбородок и склоняется к губам, а я отворачиваюсь, поймав его поцелуй на уголке своих губ.

–Женя, камеры... – шепчу я, отстранившись от мужчины, а он, шумно выдыхая, только кивает головой, соглашаясь со мной.

В этот момент в кабинет вошёл начальник службы безопасности.

– Евгений Николаевич, вызывали?

– Да. У нас утечка. Нужно полностью проверить мой кабинет на наличие камер и жучков. Проверить всех и каждого на вшивость. У нас завелась крыса, – строго отдал распоряжения Олейник, вкратце посвятив подчинённого в курс дела.

– Это не возможно, Евгений Николаевич. Мы принимаем все возможные меры.

– Ты сейчас во мне усомниться решил? Я сказал прочесать все вдоль и поперек, значит есть причины! – рявкнул Женя, выпроводив начальника службы безопасности за своими ребятами и велел немедля начать проверку с его кабинета.

На сегодня мой рабочий день закончился. Отправив меня домой, Олейник велел собрать чемодан и ждать его дальнейших указаний. Ещё и приставил ко мне охранника, что меня вообще начало раздражать.

-Я-то им зачем, Женя. Ничего со мной не случится, – уверяла я мужчину, а в глубине души была ему крайне благодарна за то, что приставил ко мне человека, который присмотрит за мной. Потому что чувствовала себя ходячей мишенью, для какой-то мрази, которая вздумала мне угрожать. И я непременно узнаю кто это и найду способ разобраться со всем этим. Я не была уверена в том, что мне по зубам тягаться с этими анонимом и кричать что не на ту нарвались, не стану. Но то, что я отомщу за попытку влезть в мою жизнь и разрушить ее, уж это я гарантировать могла.

- Завтра отправимся в Будапешт. Я планировал лететь на конференцию с пресс-секретарем. Полетишь с нами. Поработаем над кампанией удаленно, – распорядившись, Евгений Николаевич, открыл передо мной дверь, пропуская вперед и вышел из кабинета следом. Офис уже стоял на ушах. Мне даже показалось, что в каждом работнике затаилась та самая крыса, которую мы собирались искать, потому что все как-то странно зашевелились, будто подчищая за собой. А я, будучи виновницей всего происходящего, вышла сухой из воды. Пока что.

Все-таки, я уговорила Женю отменить охрану. Во мне зародилась очередная глупая мысль. И контроль мне был не нужен. Уверив, что за вечер со мной ничего не случится, потому что я буду дома, а поскольку завтра мы вместе летим в Венгрию, Олейник лично сможет присматривать за мной. Это его успокоило, хоть и самую малость, но он согласился. Забавно было, что он не вспомнил даже о своей жене и о возможности того, что ей уже могли донести эти пикантные новости о нас с Женей. Хотя, может это он при мне не стал звонить своей Юльке.

Я же не поехала домой, а помчалась в Гарант, желая повидаться с Измайловым. О своем незапланированном визите я не сообщила. Потому цербер в лице Маркиной не сразу пропустил меня в кабинет к Никите.

-Маргарит Санна, у Вас назначено? – с недовольством спросила секретарша, глядя на меня исподлобья, всем своим взглядом выражая презрение, ненависть и, знаете, в ее глазах я заметила горделивые нотки. С чего бы это она нос стала задирать?

-Ирочка, по-моему мы уже проходили это “МаргаритСанна”. Повторяю, в последний раз. Маргарита Александровна.

–Ритонька, прости. Но без записи пропустить не могу. Это раньше у тебя были привилегии, – попыталась максимально ехидно произнести Маркина. Я же, смерила ее оценивающим взглядом и переклонилась через стойку ее стола, чтобы оказаться к женщине максимально близко.

–То, что ты отсосала у начальника, никаких привилегий и тебе не даст, Ирочка, – лукаво шепчу Маркиной, глядя в ее растерянные глаза. Залилась краской, рот раскрыла, хотела что-то возразить, но не нашлась с ответом. Потому я решила продолжить, лишь подтвердив таким эмоциональным ответом Ирины, свои предположения.

–Откуда я знаю? Ты борзеть начала. Почему я уверена, что ты ему минеты строчишь и не более того? Потому что рыжую он бы трахать не стал. Так что, давай по-хорошему, если не хочешь, чтобы я тебя на всю компанию опозорила. Вспоминай, где твое место и сообщи Никите Алексеевичу, что к нему пришла Дорофеева Маргарита Александровна, – как змея я шипела это с желчью, неясно откуда накопившуюся. Но мне доставляло невероятное удовольствие, наблюдать за тем, как попускается эта рыжая секрутутка.

Никита вышел со своего кабинета, вопросительно глядя на меня.

–Рита? Почему не заходишь? – не сразу сообразил о преграде на моем пути к его кабинету, спрашивает Никита.

–Твоя помощница не пускает, – я лишь невинно пожала плечами.

–Ира, какие-то проблемы? – Измайлов развел руками, глядя на Маркину. Ирина же, пыхтела, как закипающий чайник, испепеляя меня ревностным взглядом.

–О, кажется, мои привилегии здесь все еще действуют, – шепнула я секретарше, проходя в кабинет Никиты.

–Малыш, прости, я просто не ожидал, что ты придешь и...Маркиной сказал, что меня ни для кого нет, – Никита подался мне навстречу, заключая в свои объятия.

–Я рад, что ты пришла...Думала? – какой там...оказавшись в объятиях любимого мужчины, я забыла как дышать. Мысли снова перемешались в бесформенную

жижу. А я, закрыв глаза, ощутила, как кружится голова от дурманящего запаха. Сигареты, мята, парфюм и запах его тела. Я невольно подняла руки, обнимая Никиту в ответ. Для меня весь мир перестал существовать, когда я, прижавшись головой к его груди, услышала учащенное сердцебиение, чувствуя, как и мое колотится под ребрами, в унисон с его. Все перестало иметь смысл, потому что моим смыслом был Измайлов. Сколько мы совершили глупостей, играя друг с другом в салки. А теперь появился еще кто-то, решивший отобрать его у меня. Я готова была бросить все и расставить точки над “і” прямо в эту секунду. Торжественно заявить, что готова дать нам еще один шанс, начать с нуля. Но тогда, в свете последних событий, все могло закончиться, не успев толком начаться. Потому я и пошла на такой шаг...

–Да, Никит, давай поговорим, – отпускаю его, так неохотно отстраняясь, словно отрывая себя от него. Измайлов сел в свое кресло, я же уселась на край стола.

–Никит. У меня на работе небольшие трудности. Мне сейчас трудно думать еще о чем-то, кроме идеально проведенной рекламной кампании. А я постоянно отвлекаюсь на нас, вместо того, чтобы собраться и сосредоточиться на работе. Что если этот период, пока все устаканится, послужит нам обоим временем для размышлений и раздумий? – вопрошающе гляжу на Измайлова. Он молча поднимается и подходит ко мне, ласково касаясь рукой моей щеки, заглядывая в мои глаза.

–Малышка, я готов ждать столько, сколько потребуется, но я для себя давно все решил, – негромко произносит Никита и между нами повисает тишина. Мы утонули, растворились в глазах друг друга. Измайлов осторожно потянулся ко мне и мягко коснулся губами моих губ. И я ответила, углубив поцелуй, словно давая какую-то надежду, преждевременный ответ. Поцелуй не был долгим, но я растеклась лужицей от этой непривычной нежности, от этого трепетного и осторожного прикосновения. Чувства оживились, начав тормозить меня, рвать изнутри, одновременно заставляя ощущать и боль, и обиды, и отчаяние, и радость, и любовь, любовь, бесконечную любовь...

–Ник, я завтра лечу в Будапешт в командировку. Не знаю, насколько все затянется. Давай я вернусь, и мы серьезно обо всем поговорим?

–Да, конечно. Мы и сами собирались в отпуск, – это “Мы” как гром среди ясного неба. Я закрываю глаза, сцепив зубы. Но раньше я бы заплакала, устроила сцену ревности, обругала Измайлова, обвинив во всех смертных грехах. Сейчас же я

лишь глубоко вдохнула и плавно выдохнула, сосчитав до десяти. Никита, видимо тоже понял, что ляпнул.

-Рит, это не то...собирались, но... - я прервала Измайлова, покачав головой.

-Ты невероятный спец портить приятные моменты, Измайлов. Хорошо тебе, ВАМ, отдохнуть. Как раз окончательно разберешься со своим "мы", - прыгнув со стола, я двинулась к выходу.

-Слушай, Дорофеева, а ты со своим разобраться не хочешь? - вдогонку уколол Измайлов. И правильно. Я здесь даже отрицать не стану. Мы оба состояли в отношениях. Он вообще чуть не помолвлен, а я в любовницах себя прекрасно чувствовала.

-А я разберусь со своим, - твердо, без каких-либо обид, отвечаю я и выхожу из кабинета. Этот разговор я затеяла не для того, чтобы дать отсрочку для решения проблем со своими нынешними партнерами. А для того, чтобы у меня появилось время на то, чтобы поквитаться со своим анонимом. И для начала мне следовало найти этого анонима. Да вот только я, дурочка, впопыхах поудаляла все с почты и не оставила никаких зацепок. Потому мне оставалось ждать, когда аноним снова выйдет на связь.

Стоя у лифта. Я вспомнила главное условие шантажиста. Забыть Никиту. Достав телефон, я быстренько сфотографировалась, специально зацепив часть надписи на стене, чтобы было понятно, где я. И еще одно фото в лифте. И сразу же закинула себе в соцсеть с подписью в стиле: "Ностальгия. Как приятно снова оказаться там, где все началось. И знать, что тебя все еще ждут...". Как всегда, я действовала безрассудно. Но другого способа подразнить анонима, у меня не было. Удочку я, как говорится, закинула. А внутри все колотилось от страха, потому что я очень боялась, что мои самовольные решения и поступки приведут, как всегда, к тотальному краху.

Окончание дня прошло быстро в сборах. Мне даже удалось поспать, правда после дозы успокоительного. Я едва не проспала. Но благо Виталик меня разбудил. Став трезвонить и тарабанить кулаком в дверь. В Венгрию мы полетели на частном самолете Олейника. Все было официально и решались вопросы исключительно, касающиеся работы.

Уединиться и отвлечься от работы мы смогли только с наступлением вечера, когда разбрелись каждый по своим номерам в отеле. Евгеша, правда, в своем задержался ненадолго, решив заглянуть ко мне в гости.

-Как мне нравится твоя манера вести переговоры, – подхватывает он меня на руки, ногой захлопнув дверь и сразу тащит в постель.

-Как на счет МИД или МГИМО? Сделаем из тебя специалиста международного. Ты всем жару задашь, детка, – воодушевленно озвучивал свои идеи Женя, целуя меня в шею, а я лишь усмехаясь, пряталась от щекотливых прикосновений.

-Ну нет. Не хочу учиться, а хочу жениться! – бодро выпалила я.

-Ну я могу организовать только учебу. Век живи-век учись, Дорофеева, – заключил Олейник, целуя меня в губы.

-Не убедили, Евгений Николаевич.

-Ты вредная до ужаса, Ритка. Я устану тебя воспитывать.

-А зачем меня воспитывать? Точнее перевоспитывать, Евгеш? Принимай такой, какая я есть.

-Ага, опасно это, детка. И правда заставишь на тебе жениться, будешь всю жизнь клевать мозг, козни строить и на автомате подставлять свою аппетитную задницу, чтобы отшлепал за провинность.

-А ты не хочешь? – сама не знаю зачем, но я спросила это у Жени, и затаив дыхание, покусывала нижнюю губу, в ожидании ответа. Женя прекратил дурачиться, нависая надо мной, упершись руками в кровать по обе стороны от моей головы.

-Жениться? Рита, мы же давно все обсудили. Я женат, у меня двое детей, я уже не в том возрасте чтобы...

-Все-все, Жень, замолчи! Не грузись ты так. А то начал оправдываться передо мной, как перед влюбленной школьницей. Я и не претендую. Просто как-то само

вырвалось. Проехали, – я попыталась все как можно скорее замять. Но обстановка немного поднакалилась.

–Ты не узнавал, как проверку провели? – спрашиваю я, когда мы просто умостились на кровати, готовые для обычной беседы.

–В кабинете все чисто, на данный момент. Но камеры и правда были. Сейчас мои ребята выясняют кто и как мог их установить, а после забрать. Ну и попытаются прикинуть сколько информации могло выйти за пределы нашего штаба, – я только кивала головой, делая вид, что все понимаю. А на самом деле едва прятала свою тревогу.

–Детка, не бери в голову. Такое случается. Пойдем лучше прогуляемся, город посмотрим, поужинаем где-то, – заметив мое угнетенное состояние, Женя решил поднять мне настроение вечерней прогулкой.

Мы прогулочным шагом прохаживались по набережной Дуная. Женя рассказывал о мемориале, в виде обуви, установленном в память о жертвах Холокоста. А я с интересом слушала его, разглядывая все вокруг. Я сама не заметила, в какой момент моя рука оказалась в руке Олейника, но отпускать его не стала. Позволив нам продолжить прогулку, как настоящая влюбленная пара. И никто даже представить не мог, что никакая мы не пара, а уж тем более влюбленная.

–Хорошо здесь. Суета какая-то уютная. Не такая, как в Москве, -мечтательно говорила я.

–Задержимся здесь? Устроим себе внеплановый отпуск?

–Ммм, нет. В отпуске я мечтаю отдыхать на пляже. В таком райском уголке, как в рекламе Баунти.

–На Мальдивы хочешь? – со смешком уточнил Женя, а я отрицательно покачала головой.

–В рекламе может и Мальдивы. Но я бы на Бали хотела, – наверное, это желание только мне одной понятно. Я пыталась склеить разбитую мечту, осуществив хоть

часть ее.

-Понятно, – сухо ответил Олейник, притягивая меня ближе к себе, приобняв за талию. Ночь я провела в его номере. Благо никто не заметил, как мы вместе выходим утром.

Конференция прошла на ура. Я сделала достаточно фотографий для отчетности в профилях Олейника, которые вела. Записала много умных фраз и высказываний и даже набросала мини статью.

Вечером Олейник требовательным и строгим голосом велел ждать его в фойе отеля. Когда я увидела его, строгого и жесткого, мое сердце упало в пятки. Он все узнал. Мне конец.

-А куда везут мой чемодан? – удивилась я, не понимая, что происходит.

-В аэропорт. Не переживай, ты отправишься следом за ним, – стальным голосом кромсает меня на куски, и я едва держусь на ногах, готовая рухнуть в обморок. Придерживая меня рукой за спину, скорее намекая, чтобы скорее проваливалась, Женья проводит меня к выходу, где ждет машина. До аэропорта мы едем молча.

-А мы что не на твоём самолёте возвращаемся? – как же мною колотило, когда Олейник ничего мне не говорил, молча держал за руку, ведя за собой.

-А кто сказал, что мы возвращаемся? – спросил он, когда мы остановились у стойки, сдав багаж и получая свои посадочные. А я даже на электронное табло не глянула, чтобы понять на какой рейс мы только что прошли регистрацию.

-В билетик то загляни, – на лице Жени появилась заговорческая улыбка. Я же опустила голову, взяв из его рук посадочный и прочла вслух выделенную жирным надпись.

-Будапешт – Денпасар-Бали.

После утреннего разговора с Дорофеевой, я отправился на работу, заскочив домой, чтобы переодеться. Отменил все встречи, обложился в кабинете бумагами, правда работа не шла. Я только создавал вид, что работаю, а на самом деле мыслями я был с Риткой.

Каково же было мое удивление, когда Маркина сообщила мне, что ко мне пришла Маргарита Александровна, собственной персоной. Удивило то, что Ира не пустила Риту ко мне сразу же. Хотя, скорее это разозлило меня. Что эта рыжая метёлка себе вообще возомнила? Ну да, я сказал, что меня ни для кого нет, но извилина должна же работать, или она ее напрочь перепалила перегидролью или чем там они выкрашивают свои волосы.

Когда Рита вошла ко мне в кабинет, я сразу же заключил ее в свои объятия, чувствуя острую нужду в этой близости. Ощущая тепло ее тела, полюбившийся запах ванили, приторно-сладкий, который я воспринимаю только когда она рядом со мной.

Мне было абсолютно плевать на то, что через стеклянную дверь кабинета за нами наблюдает Маркина, да и вообще, проходящие мимо сотрудники. Мой мир сейчас был сосредоточен здесь. Рядом с Ритой. И я был готов душу дьяволу продать за ночь с ней, как Квазимодо у Гюго, в его «Соборе Парижской Богоматери». Только ночи мне было мало, и я отчаянно собирался стать рабом того самого дьявола, лишь бы жизнь моя была тесно переплетена с этой женщиной. Чтобы она была моей, а я взамен хотел принадлежать ей одной.

С одной стороны, я был согласен с рассуждениями Риты. Сейчас в нас обоих кипели эмоции, и стоило бы решать подобные вопросы не под влияниями прихотей. Но я чувствовал, что она тянется ко мне, но все же держит на расстоянии. Я не смею давить, не смею принуждать ее принимать такие весомые решения быстро, не обдумав их.

Я не сдержался, коснувшись поцелуем столь желанных губ. Внутри все запылало с новой силой. Мои чувства к этой девушке стали сильнее во сто крат. Она была нужна мне, как воздух. Я только сейчас осознал, что больше никто не сможет подарить мне ощущение этого блаженства. Никто, кроме нее, не заставит мою кровь кипеть по венам. Только ей одной подвластна эта неведомая сила, что смешивает во мне противоречия я закручивает мысли, путает их, оголяет нервы и оживляет все мои эмоции, вытаскивая их наружу. Только она – источник моего наслаждения, которым я готов упиваться до изнеможения и при этом все равно

испытывать жажду по ней. Моя зависимость давно переросла в любовь, но выразалась как нездоровая одержимость, превратившая меня в фанатика.

И когда мне казалось, что мы распрощаемся на обнадёживающий ноте после того, как поговорив, пришли к общему согласию и пониманию я все испоганил, как обычно.

«Мы» едем в отпуск...кто меня за язык тянул? Рита от этих слов поежилась, едва заметно поморщилась, словно ей это «мы» пришлось грубой пощечиной, но стойко выдержала удар.

Я попытался оправдаться, а после вдогонку ей бросил укор в том, что сама тешится в постели другого мужика. И так противно от этого стало. В голову полезли дурные мысли, а подсознание вырисовывало самые грязные образы моей девочки под другим мужиком. Который овладевает ею, а она стонет так сладко, как стонала для меня, извивается под ним, отдается ему, шепчет пошлости, которые шептала мне. Я закипаю. И даю волю своим эмоциям только когда Рита уходит. В ярости я все смел со стола, ударив по пустой столешнице кулаками.

–Никита Алексеевич? Все в порядке?– испуганно спрашивает Маркина, влетевшая в мой кабинет.

– Какого хрена без стука, Ира? Не помню, чтобы приглашал тебя, – срываю злость на помощнице, уничтожая ее своим ненавистным взглядом. Я сейчас ненавижу всех и каждого. Я хотел обвинить весь мир в своих проколах и неудачах. Но я давал себе отчет в том, что в первую очередь виноват был я, лажая на каждом шагу.

–Простите, я не хотела побеспокоить...просто...-начала мяться на пороге Ирина, а меня ещё больше вымораживал этот тупизм и пустые оправдания.

– Просто даже папа маме не целует. А не хотела бы – не побеспокоила бы. Вышла вон, – прорычал я, глядя на помощницу.

– Но...

– Вон, Ира!– рявкнул я, двинувшись на нее, закрывая за ней дверь, когда Маркина как напуганная козочка выскочила из моего кабинета.

В этом был весь я. Прогнивший изнутри, испорченный, с дрянным характером. Всегда ставил свои интересы выше чужих, использовал людей ради достижения своих целей, шел по головам, даже не задумываясь о том, что ломаю чьи-то судьбы. Для меня было в порядке вещей, сорваться на ком-то, не задумываясь над тем, что задеваю чувства. Вряд ли меня можно назвать человеческим, потому что все, что я делал, было из родни каких-то зверств.

Осознав это так поздно, я лелеял надежду спасти хотя бы одну смертельно раненную мной душу. И впервые я думал не о себе... Я думал о Ритке.

А что в итоге? В итоге я поехал в отпуск, с Алишей. Как и было запланировано. Наши отношения с американкой стали натянутыми, и вот-вот все могло оборваться. Все должно было оборваться и закончиться, потому что это не было тем, в чем я нуждался. Это был лишь метод, попытка забыться и отвлечься. Но это бесполезное лечение затянулось слишком надолго.

Паоло Коэльо в романе “Победитель остается один”, писал о том, что жизнь разводит двоих людей только для того, чтобы показать обоим, как они важны друг для друга. Это была простая истина, которую я принял, осознав, как мне важна эта темноволосая девочка с глазами цвета кофейных зерен. Я не ценил, когда она была рядом и кусал локти, когда она стала так далека.

Жизнь играет со мной. По серьёзному. Очень конкретно. Дрессирует меня, как собаку – без права скулить. А мне не то, что скулить захотелось. Мне захотелось волком взвыть, когда я увидел ЕЕ.

Сука, за десять тысяч километров от дома! Это карма какая-то? Или как там еще назвать такие совпадения? То нас разбрасывало по разным углам, то сталкивало нос к носу. Как это вообще возможно? Выбрать не просто один курорт, а один отель. Но в этот момент, я вспылал злостью к Дорофеевой. Пела мне про Будапешт, про командировку, про проблемы на работе. А сама со своим папиком на Бали, задницу на солнце выгревает. А я как дурень слушал, верил, выпитывал, позволял вливать себе в уши эту ахинею. А эта дрянь как лгала, так и лжет, не краснея. Вся ее жизнь превратилась в один сплошной обман. Неужели она думает, что сможет на своей пизд*же выстроить свое мнимое счастье? Где она

вообще нахваталась этих лайфхаков? Что ж я сразу не разглядел в ней ту побл*душку, которой она являлась? Как повесил на нее ярлык, так и стоило его оставить клеймом ей на лбу. Потому что таковой она, собственно, и прослыла в моих глазах, стоило увидеть ее в откровенном бикини, не отрицающей того, что этот престарелый мужик лапает ее за жопу.

Да, черт подери! Я тоже приехал на отдых с бабой, но я не стал вешать лапшу на уши и придумывать сказки про командировку. Я дал слово, что решу вопрос со своими отношениями, но сейчас задумался, а стоит ли? Но, если честно, стоит. Потому что мне они стали в тягость и более не приносили никакого удовольствия. Я даже спать ложился после того, как спускал свое напряжение в кулак, под бодрящим душем. А к Алише не прикасался, потому что не хотел ее. Хотел Ритку. До безумия хотел. Ненавидел и с ума по ней сходил. Хотел придушить, услышать, как скулит от боли, но тот же час, я хотел слышать ее сладостные стоны и как шепчет мое имя.

Меня же Рита увидела немногим позже. Как бы мне не хотелось попасться ей на глаза и просверлить в ней дыру своим злобным взглядом, я старался избегать ее.

Но все же это случилось, буквально через пару дней за ужином в ресторане. Она мило улыбалась своему депутату, изящно держа в руках бокал красного вина, уверен, полусладкое, она его любит. И какой же кайф я получил, когда она заметила меня, вошедшего в ресторан. Она даже не обратила внимания на то, что был я в сопровождении своей, все еще, девушки. Стоило нашим взглядам столкнуться, как ее глазки растерянно распахнулись, наполнившись каким-то страхом, отчаянием и я видел, как в этом взгляде вдребезги разбивается надежда. Так же, как разлетелся и ее бокал, который она выронила из рук. Этого приветствия мне было достаточно. Я был сыт по горло ложью и понял, что она попросту выставила меня полным дураком, добившись, наконец того, что я перед ней прогнулся.

Сделав вид, что мы чужие люди, я прошел со своей спутницей за наш столик. Весь вечер я боролся с желанием взглянуть на Риту, ощущал, что она смотрит, пускай осторожно и мимолетно, но надеется снова поймать мой взгляд, чтобы своими щенячьими глазками опять запудрить мне мозг. Но нет. Хватит!

Утро следующего дня я встретил в гордом одиночестве, развалившись на кровати. Алишу я успешно выпроводил на какую-то дурацкую экскурсию, потому

весь день мог провести без ее дотошных упреков и наездов о том, что мне плевать на нее и наши разваливающиеся отношения. Да, мать твою! Какая пронцательная! Мне действительно было не просто плевать, а глубоко насрать, что у меня с ней все близится к концу. Пусть хоть сейчас собирает манатки и валит.

Я сбросил негатив, отвлекая себя получасовым кардио на беговой дорожке и силовыми в спортзале отеля, и уже направлялся в свой номер, когда увидел Ритку, идущую к лифтам. Решил, что пора прекратить играть в молчанку и незачем копить в себе этот гнев. Я был настроен высказать все, что о ней думаю.

Вернувшись в номер, я написал ей сообщение, о том, что нам нужно поговорить и приписал трехзначный номер своей комнаты. Ответа на смс не последовало. Но спустя пол часа, в номер негромко постучали. Я, как раз вышел из душа, обмотавшись полотенцем вокруг бедер и, вытирая голову полотенцем, пошел открывать дверь. Стоило увидеть на пороге эту продажную шкуру, как я озверел. Схватил ее за горло, затащил в номер, закрывая за ней двери. Вжал в стену, припечатав ее своим телом и заглянул в эти бл*дские глазищи.

-Как командировка? Вижу завалы на работе рассосались, - неоднозначно подмечаю я, сквозь зубы шипя Рите в лицо.

-Никит, мне больно, - хватается она за мою руку, пытаюсь расцепить пальцы, что сжимали тонкую шейку.

-А мне не больно? Мало ты издевалась надо мной, шляясь по мужикам? Сколько ты будешь по живому меня кромсать?

-Ник... я не знала, что окажусь здесь. Я и правда была в командировке, - пыталась оправдываться она, а я не слышал ничего кроме шума в ушах и барабанной дробью отбивающегося по ребрам сердцебиения.

-Почему Бали? - спрашиваю я, пытаюсь для себя понять, это нелепая случайность или же у нас обоих были причины выбрать именно это место. И я молился, чтобы мои догадки не подтвердились. Но, увы.

-Потому что с тех самых пор... я храню испорченные путевки...И мечтаю о Бали. С тобой. Но смогла лишь осуществить часть своей мечты. Вот я здесь, но без... -

закончить я ей не дал. Ее часть мечты сейчас слилась с частью моей. Сломанной, но с шансом на то, чтобы быть склеенной, пускай таким варварским способом.

Я подхватил Риту на руки, впиваясь в сладкие губы поцелуем, сразу же получая на него пылкий ответ. Бросив девчонку на кровать, навис над ней, жадно, как изголодавшийся зверь, покрывая поцелуями ее тело. Скользя руками по литым бедрам, задевая движениями ткань легкого сарафана, задирая его кверху, оголяя стройные ноги. Скольжу губами по плоскому животу, зубами клацнув по серебрянной сережке в пупке. Задираю платье выше, бесцеремонно стягивая верх купальника с груди, жадно сжимая в ладонях два сочных полушария, припав губами к жемчужинам затвердевших сосков. Ласкаю их языком, посасываю, прикусываю, наслаждаясь тем, как девчонка подо мной невольно начинает ерзать на постели, что-то томно мурлыкая, запустив пальцы мне в волосы. Я целовал ее шею, кусал нежную кожу, зализывая языком места укусов. Терзал ее губы поцелуями, не в силах оторваться от них. Коснувшись рукой ее лона, ощутил, как тот жар, что исходит от желанного местечка свидетельствует о возбуждении моей малышки. Я не церемонился, не включал романтика, я просто нуждался в том, чего так долго меня лишали. Чего я себя лишил.

Стянув трусики от купальника, я оставил их где-то внизу на ногах девушки, касаясь пальцами теперь не ткани, а истинного бархата ее пылающих желанием лепестков. Рита была готова для меня, текла от моих ласк, а я хотел довести ее до того безумия. В которое сам впадал из-за нее. Скользя двумя пальцами, я погрузился в теплый омут, что плотно обволакивал мои пальцы. Я дразнил ее, закрывая рот поцелуям, продолжая трахать пальцами, властно сминая одну грудь, снова обласкав ее, и как голодный бросался на вторую.

–Никита, – чуть ли не рыдая стонала Рита, пытаюсь остановить мои движения, извиваясь, подаваясь навстречу бедрами и тут же пытаюсь выскользнуть. Покинув ее лоно, я коснулся пальцами ее губ, а она, пристально глядя мне в глаза, затуманенным от желания взглядом, слизала свое наслаждение, пробуя себя на вкус. Да, малышка, вот такая ты сладкая, когда хочешь меня. И не отказывая себе в желании ощутить этот особый, пикантный вкус ее похоти, я, обцеловывая каждую клеточку ее тела, развел стройные ноги в сторону и скользнул языком меж покрасневших, но все так же нежных лепестков ее губок. Собираю влагу, смакуя то, какой была на вкус моя девочка. Кончиком языка подразнил набухшую горошину, втянув ее губами, и снова скользнул вдоль складочек языком. Ритка лишь сильнее сжала мои волосы, прижав к себе и сладко простонала, напрягаясь всем телом и выгибаясь дугой. И потянув к себе,

впилась в мои губы поцелуем, жадно сплетая в нем наши языки.

Нежные руки скользнули по моему торсу, отбросив полотенце, и когда Рита коснулась моей твердой, как камень, плоти, я вздрогнул, издав утробный рык от удовольствия, которые приносили ее касания. Облизав свою ладошку, она снова коснулась меня, плавно двигая рукой. Надо же, девочку чему-то да научили. И я убедился в этом уже в следующее мгновение, когда Дорофеева повалила меня на кровать, перехватив инициативу в свои руки. И в свои губы... Вывела поцелуями дорожку по моему телу, спускаясь вниз. Придерживая мой член рукой, обвела кончиком языка головку, смыкая горячие губы на самом конце, лишь слегка втягивая в себя и посасывая. Я шумно втянул воздух, не отводя взгляда от этого зрелища. Ритка же провела языком по всей длине от основания, обратно к головке, снова играя с ней кончиком шаловливого языка. Запустив руку в ее волосы, слегка надавил на затылок, заставляя взять член в рот, слегка подавшись ей навстречу. Она обхватила мою плоть кольцом своих губ, став посасывать, с каждым последующим движением вбирая все глубже, доводя меня до такого безумия, что я едва не кончил ей в рот. Останавливаю ее, притягивая к себе, забывая о своих принципах и этих брезгливых взглядах, не целовать женщину после минета... Да плевать. Губы этой женщины дарили мне наслаждение, манили меня, я хочу их целовать. Хочу и буду! Свалив Риту на постель, нависая над ней, безудержно продолжая пылкие поцелуи. Рукой направляю себя, подразнив ее еще немного, позволяя тереться о меня своим пылающим от желания телом и резким движением врываюсь в нее, замирая.

-Да... - блаженно простонала Дорофеева, и этот стон, как бальзам на душу. Я начинаю двигаться, сразу набирая темп. Вбиваясь в нее, выскальзывая и снова входя на всю длину. Кайфуя от того, как плотно она обхватывает меня, как я растягиваю упругие стеночки, наполняя ее собой. И мне было мало, я хотел еще, больше и глубже.

Выскользнув с пылающего лона, подхватил Ритку, грубо переворачивая на живот и жарким шлепком огрел упругую ягодицу, тут же огладив покрасневшее от шлепка место. И снова вошел в нее, прижавшись к ее спине своим телом, наращивая темп. Скользнув рукой меж ее ножек, пальцами стал ласкать набухшую горошинку, лишь увеличивая удовольствие девочки, которая сейчас принадлежала исключительно мне. Мое тело пылало, было невероятно жарко, от чего по коже скользили капли пота и горячо от того, что сейчас происходило между мной и Риткой. Я выпрямился, проводя руками по спине Дорофеевой, ощущая под грубыми пальцами нежность ее кожи, покрывающейся мурашками,

и грубо сжал ее ягодицы, продолжая ненасытно врывать в пышущее лоно. Рита приподнялась на локтях, прогибаясь как кошечка, и я не удержался, чтобы еще раз приложиться ладонью к румяной попке. Дорофеева вскрикнула, а я только довольно улыбнулся. Когда девушка выпрямилась, прижимаясь ко мне спиной, я властно обхватил ее рукой, удерживая, сжимая в руке полусферу груди, а второй рукой продолжал ласкать ее между ног. Я коснулся губами ее плеча, тут же кусая нежную кожу, обжег поцелуем шейку, едва сдержавшись, чтобы не наставить на ней собственнических засосов, пометив эту девчонку.

От напора моих толчков, Рита не устояла, снова рухнув на кровать, соскальзывая с меня. Я ловко повернул ее к себе лицом, нависая над ней, возвращаясь в тепло ее тела новым толчком, продолжив поступательные движения, превращая плотские утехы в марафон, который я готов бежать бесконечно. Только бы Ритка так сладко стонала и извивалась подо мной, только бы смотрела на меня с вожделением, шептала мое имя. Нет, стонала его с мольбой довести ее до пика наслаждения. Я ловил горячее дыхание на своих губах, языком обвел контур припухших губ, прикусывая нижнюю и снова терзал их поцелуями, воруя ее стоны, от которых голова шла кругом. Она довела меня до вершины блаженства, и я излился, замирая в ней от накрывшего оргазма. А следом и я довел до той же вершины и Риту, ощущая, как плотно ее мышцы сжимают мою плоть, как пульсируют, как она хватается ртом воздух, задыхаясь от удовольствия, во власть которому сейчас отдалась.

Я обессиленно повалился на девушку, прижав ее своим телом, лбом уткнувшись в ее плечо, тяжело дыша, не в силах успокоиться. Впервые за долгое время мне было действительно хорошо. Мне было божественно! Подняв голову, заглянул в любимые глаза, скользнул пальцами по румяным щекам и не находя слов, просто снова поцеловал губы девушки, теперь мягко и нежно.

Я не знаю, что делать дальше. Не знаю, как начать разговор. Я только что снова обвинил ее во всем, выплеснул всю свою ненависть, готов был разорвать в клочья. Но потребность в ней оказалась большей. Сильнее меня самого и всех принципов, и предрассудков. И Наше желание было взаимно. Столь велико, что мы все еще не могли оторваться друг от друга, помчавшись на второй круг.

Мы измотанные лежали на постели, стараясь уgomонить галоп сердец и выровнять дыхание. Я скользнул рукой по бедру Ритки, накрывая ладонью ее пылающее лоно.

-Не вздумай, Измайлов, хватит, – улыбнулась она, сводя вместе свои ноги.

-Мне никогда не хватит, Ритка. Голодный по тебе и насытиться не могу. Да и не хочу... – шептал я осевшим голосом, покрывая ее тело невесомыми поцелуями, любуясь ею, такой нежной, и довольной, как кошка.

-Давай я выпровожу Алишу к твоему депутату. А ты со мной останешься, – сгребая Ритку в охапку, притягивая к себе, не желая ее отпускать.

-Замечательный расклад, – фыркает Дорофеева, выскальзывая из моих объятий, поспешно собирая свои вещи.

-Твоя мадам когда вернется? – ох, какая! Выпустила свои колючки, а это меня только подзадоривало.

-Их вечером привезут, потому ты успеешь принять душ, но только со мной, – вскочив с кровати, я поймал Дорофееву, забросив на плечо, смачно шлепнув по сочной попке, и потащил в душ. И снова мы с ней занялись любовью.

-Мне нужно идти, Никит... опасные игры мы затеяли, – грустно усмехнулась Дорофеева, касаясь рукой моего лица, и я, перехватив ее руку, поцеловал тонкие пальцы девушки.

-Почему опасные? Ты ему ничего не должна, я ей. Так случилось, что не с ними мы обрели то, что искали. Уходи от него, малышка.

-Уходи от нее... – прошептала она мне в ответ.

-Уйду, прямо сегодня и уйду, отдельный номер себе сниму, остаток отпуска с тобой хочу провести. Остаток жизни, Ритка...

-Звучит, как предложение, – подмигивает она мне, и я понимаю, что именно это мне и нужно. Пускай только свалит от своего папика и сделаю ей предложение! Она будет моей. Измайлова Маргарита Александровна. Кажется, у меня появилась новая навязчивая идея. Похоже, я решил заявить на эту девочку полные права. Моя. Она только моя и я не позволю ей принадлежать кому-то другому.

-Никит, в Москву вернемся и все решим, ладно?

-То есть, я готов сейчас послать все и всех ради тебя, а ты еще неделю собираешься спать со своим депутатом? – опять. Эти американские горки из крайности в крайность. От любви до ненависти и от ненависти до любви.

-Не начинай Измайлов! Не дави на меня, – Ритка нескрывая бросает свои обидки, закатывая глаза.

-Что значит не начинай. Что тебя держит? Бабки его? Чего ты хочешь? Хочешь я тебе квартиру и машину куплю, платить тебе буду, прихоти твои выполнять. Если тебе нравятся такие отношения, если нравится быть дорогой шлюхой, то я тебе могу обеспечить! – после этих слов Ритка с яростью влепила мне пощечину, глядя бешеным, ошалевшим взглядом, метая в меня молнии.

-Пошел к черту, придурок! – в слезах выплонула она мне в лицо, вылетая из номера. Я побежал следом, хватая ее за руку. Рита с криками и истерикой вырвалась, наделав шуму, привлекая слишком много внимания, и я отпустил. Твою мать! Да что ж это за любовь такая гребаная! Мазохизм чистой воды. Как два моральных уroda мы уничтожали друг друга, уничтожали сами себя. Мы дышать друг без друга не могли, но и вместе задохались. И я не знаю, как быть, но чем дальше, тем хуже.

Глава 6

Из всех глупостей, которые я совершала, эта стала шедевром.

Когда я увидела Никиту в ресторане, мой мир, в очередной раз, перевернулся с ног на голову. Порой мне вообще казалось, что моя жизнь подхватывает меня за ноги, и начинает долбить головой об асфальт. Но пускай бы польза от этого была, пускай бы хоть дурь таким образом выбивала, но нет, дури у меня только прибавлялось.

Словно не было между нами тех разговоров о любви и обещаний дать нам очередной шанс. Он смотрел на меня с ненавистью. Пару дней мы умышленно друг друга избегали, но все же Измайлов решил расставить все точки над “i”, в смс попросив зайти к нему чтобы поговорить.

Начался разговор агрессивно, разрушающе, стирая все светлое, что могло быть. Ложные выводы Никиты превращали меня в лживую тварь, которой в тот самый момент я не являлась. Но Никита и слушать не хотел, о случайности моего внепланового отпуска на Бали. И только после того, как я начала рассказывать, почему я выбрала именно это место для отдыха, все обрело другие оттенки. Черное превратилось в красное. Такой ведь цвет у страсти? Красный – цвет любви. Жаркой, пылкой, бесконечной. Которая выражалась в действиях, во взглядах, в поцелуях, голодных и жадных. словно провалившись в омут своих самых тайных желаний и фантазий, мы отдавались своим желаниям став подконтрольны им, полностью подчинившись. В этом танце страстей не было места гневу и злобе. Просто наша жажда была настолько великая что граничила между нежностью и грубостью, между осторожностью и вседозволенностью.

Я впервые наслаждалась и получала удовольствие за последние годы. Удовольствие, которым захлёб упивалась. Ощущая облегчение, осознавая, что я все ещё желанна им, что он все ещё любит меня так пылко и чувственно, даже ещё больше, с годами выдрессировав выдержку, которая сейчас трещала по швам. И не имело значения то, что мы клялись забыть друг о друге, он мое, а я его табу...все это в прошлом. Границы стерты и никого в этом мире для нас не существовало.

Но мы не умеем рисовать наши отношения цветными красками. Мы на подсознании выбирали черный, либо, смешивали яркие цвета, превращая их в мутные кляксы. снова сорвались, растоптав друг друга, вылив кучу грязи, испачкавшись в своей ревности, своих домыслах. Не думая о том, как словами наносим друг другу увечья, которые будем вспоминать, ковырять раны, не давая им зажить.

Было хорошо, безумно хорошо, и горячо, я бы сказала, мы раскалились до предела. Но я не представляла, что в одночасье может стать так холодно. Под знойным палящим солнцем Индонезии, меня пробьет такая дрожь. Я в слезах вырвалась от Никиты, когда мы снова обменялись кучей «любезностей». И кроме переворота мыслей в моей голове, я обзавелась паранойей. Потому что теперь мне было страшно, что эти пару часов, став моим раем, превратят мою жизнь в пекло. Это ведь было изменой? Но Никита ведь правду сказал, я ничем не обязана Олейнику. Но по логике...я состою с ним в отношениях, пускай и основанных на договоренностях. Но я не его собственность. Я не его кукла. Он ведь спит со своей женой? Господи, какие идиотские у меня рассуждения, какие никчёмные, на уровне полоумной школьницы. Я ищу оправдание тому, что стало

очевидным. Я запуталась, сама не заметив того, что превратилась в ту самую легкодоступную девицу. Одному дала, другому дала. А что самое нелепое – мне хотелось им давать. Я никогда не испытывала тех чувств и эмоций по отношению к Олейнику, но мне нравилось отдаваться ему. Даже в порывах ярости, секс с ним был взрывной. Но он не сравнится с тем, что я чувствовала, когда занималась любовью с Никитой. Вот оно, самое главное различие, весомый аргумент, чтобы, наконец понять, что мне, идиотке, нужно. Занятие сексом и занятие любовью.

О, Господи! О чем я рассуждаю. Как низко я пала в своих глазах, углубляясь во все эти раздумия и анализируя все свои глупые поступки. Послушать мои бредни со стороны, так рехнуться можно. Тут и комментарии были лишние, достаточно лишь с презрением покоситься на меня и покрутить пальцем у виска. Я погрязла в болоте, которое сама и развела. Засмеялась как истеричка, вытирая слезы, усаживаясь за столик летнего кафе, на территории отеля, поставив перед собой алкогольный коктейль и прикуривая сигарету. Давно я не травила себя этим едким дымом. Но и травить было нечего. Я себя давно разъела кислотой своей ядовитой дурости. Как я оказалась в этом кафе, я вообще не помню, просто ноги принесли сюда, и я на автомате, вспоминаю один из простейших методов забыться, заглушая гул навязчивых мыслей в моем подсознании, алкоголем. Я запуталась во лжи, в своих желаниях, не знала, как расплести эти сети, которые обвились вокруг моего тела и сковывали, уверенно став душить, завязывались тугой петлей на шее.

– Это ещё , что за фокусы. Я думал ты в спа, а ты вот как с пользой проводишь время, – слышался позади воспитательный тон Олейника. Я лишь закатила глаза потянувшись к трубочке, делая глоток с бокала.

– Хоть попробовать надо, чтобы твои упрёки были оправданы.

–Рита, в чем дело? – я машинально потушила в пепельнице сигарету, зная, что, если затянусь ещё хоть раз, пепельницей назовут меня.

– Идём в номер, я устала так, – поднимаюсь, обнимая Женю, с мольбой глядя в его глаза. Мне казалось, если мы сейчас пойдём в номер, и я ублажаю его, то не буду чувствовать вину перед ним. Но в чем я была виноватая, мать вашу? Это как вообще называется? Бегать и трахаться по очереди то с одним, то с другим и заглаживать таким образом вину? Это называется не искупление, а слабая на передок деваха. Я просто скатилась, дальше некуда. Я прекрасно знала, что

чувствую к обоим мужчинам, и не могла понять, что меня держит рядом с Олейником, почему я держусь за него и боюсь уйти. Или просто его боюсь? Никита был прав. За эти годы я превратилась в дорогую шлюху, которой оплачивают жизнь. А я взамен перед своим спонсором по первой же его прихоти раздвигала ноги.

Я не стала умнее, как мне казалось. Не была кузнецом своего счастья, потому что в моей жизни трудилась совершенно другая строительная бригада, которая не считалась с проектом моей судьбы, что себе представляла я. Да и не счастье они строили. В моей голове не прибавилось мудрости. Я просто продавалась задорого, тратя свои “гонорары” на то, что лишь создавало иллюзию беззаботной и успешной жизни.

И вот сейчас я впервые задумалась, что нужно все менять. Я больше не хочу болеть. Болеть алчностью, глупостью, эгоизмом и цинизмом.

Сейчас я задумалась над тем, что именно Никита научил меня любить... А я, выходит полюбила, только со мной был другой. Никита научил меня гореть, а я сожгла ему крылья. Именно Измайлов научил меня терпеть и быть сильной, а я разбила ему сердце. А когда Никита научил меня летать – я улетела от него. Но только мы сами поменяли друг друга и сейчас говорили, что не те... И теперь оставалось жить с этой болью, потому что все, что мы звали любовью, беспощадно разбивали.

–Детка, что случилось? На тебе лица нет, что тебя беспокоит? – подушечки пальцев касаются моей щеки и Женя заставляет приподнять голову, поддев пальцами за подбородок. И не скажешь, что этот мужчина может быть деспотом и тираном. Да и вообще, такой ласковый. Нежный, любвеобильный, что же он по отношению к своей жене не проявлял этих чувств? “– Ритонька, двадцать лет брака дают о себе знать. Это слишком сложная математика, чтобы понять ее в твоём возрасте” – говорил он мне, поясняя, что все имеет свойство заканчиваться. Вот и идиллия их супружеской жизни давно закончилась и оба это понимали, но, не выход ведь, каждый раз разводиться и жениться снова, если у тебя перестал стоять на очередную бабу. Я же, пусть и была в том возрасте, когда за плечами не было такого опыта в создании прочной семьи, но я придерживалась позиции, что это труд исключительно обоим. Если один решил, что ему это больше не нужно, второму в лепешку придется разбиваться, и вряд ли он сможет спасти то, что уже начало разрушаться. Нет, я не позволю Никите быть таким мужем даже через двадцать лет... Я невольно улыбнулась этой

мысли, представив себя в браке именно с Измайловым. Но если уж и мечтала, то нужно было принимать тот реалистичный факт, что наш союз будет похож на Третью мировую.

–Нет, Жень, все нормально. Просто не совсем хорошо себя чувствую. Тошнит и голова кружится. Наверное, меня сильно расслабили на массаже и плюс ко всему я перегрелась на солнце, – пытаюсь выдавить с себя улыбку, глядя в бездонные синие океаны Женькиных глаз.

Женя уже согласился пойти со мной в номер, проявив заботу, даже решив, что ужин мы закажем в номер и он поможет мне отдохнуть от отдыха, как бы банально это не звучало.

–О-о-о! Рита! – слышался женский голос где-то совсем рядом. Звонкий, щебечущий, не выговаривающий букву “р”, точнее смягчающей ее в этой английской картавости.

–Nice to meet you! – Уже на родном английском произносит барышня, подходя к нам, опуская мне руку на плечо, словно я ее давняя подруга. Конечно, рада она меня видеть. Эти слова насквозь пропитаны сарказмом, а моя натянутая улыбка и удачно изображенное удивление, кричит о том, что это так “взаимно”. Алиша только вернулась со своей экскурсии, решив почтить меня и Женю своим присутствием. Меня же покорило, стоило увидеть ее американскую искусственную улыбку на все тридцать два.

–А, Вы, видимо мистер Дорофеев, отец, Риты? – вот же сука. Решила подстегнуть? Знала же, что у меня есть мужчина и он старше меня. Этот факт неоднократно проскакивал в разговорах между нашими.

–Мисс Хилл, какая неожиданная встреча. Нет, это не мой отец, – сухо отвечаю я, вижу во взгляде Алиши вопрос, на который она надеется получить озвученный вслух ответ.

–Рита, представишь меня подруге? – еще и Женя влез, неужели не видит, какая она мне “подруга” и как натянуто, через зубы, я разговариваю с ней?

–Алиша, это Евгений Николаевич, – официально и неуверенно представляю я этих двоих друг другу. Женя приветливо протянул руку для рукопожатия, а эта

американка его тут же обрабатывает своей лучезарной лыбой до ушей.

–Очень приятно, Евгений. А Рита Ваша? – вот же заноза, чего ей не живется спокойно, чего добиться пытается? Ей от того, кем мне приходится Олейник должно быть ни холодно, ни жарко. А она ковыряет, лезет глубже.

--Моя девушка, – спокойно, уверенно и лаконично отвечает Женя, после чего Алиша меняется в лице. Небось не ожидала, что Олейник может быть настолько прямолинеен и не станет увиливать от ответов. Ну, конечно. Он не сказал прямо, что я его любовница. Но на его безымянном пальце не было обручального кольца, потому, я с чистой душой могла заявить, что здесь и сейчас этот мужчина целиком и полностью принадлежит мне.

–О, это так здорово. Вообще здорово и неожиданно встретить здесь знакомые лица. Как на счет совместного ужина? Я и мой жених будем рады, если вы составите нам компанию! – в этот момент, я сорвалась, бросившись как одичавшая кошка на Алишу, повалила ее на землю. Яро расцарапывая ее наштукатуренную физиономию и клочьями вырывая ей волосы. Не твой он жених! Никогда им не станет! Конечно же, такой выпад был лишь со стороны моей бурной фантазии. Я же сдерживала себя, чтобы не пуститься во все тяжкие, и только кулаки сжимала, до боли вонзая ногти в ладонки.

–Спасибо за приглашение, Алиша, мы подумаем, – резко выплонула я, в надежде как можно скорее закончить этот разговор и избавиться себя от компании этой лицемерки.

–Буду надеяться на вашу компанию, – Господи, иди уже, куда шла! Мое внутреннее “Я” не церемонилось, указывая направление на все четыре стороны или на три веселых буквы, тут уже на выбор самой Хилл, куда она покатится! Обменявшись ехидными улыбками, мы, наконец распрощались, и я с Женей направилась в свой номер.

–И что, а вернее, кого, ты с ней не поделила? – со смешком, спрашивает Олейник, приобняв меня за талию.

–А это так заметно? – вскинув бровь, интересуюсь я, не сдерживая улыбку. Женя только кивнув, намекая, что эта история ему очень даже интересна.

-Это было давно и неправда, Жень. Ее жених, это мой бывший, – не вдаваясь в подробности, поведала я. И снова поймала себя на мысли, что Никите я говорю, что с Олейником будет все кончено, Евгению же, говорю, что Никита моя бывший, хотя парой часов назад, я кувыркалась с ним в постели.

Восемьдесят процентов своего времени я вела с собой споры и ковырялась в своих мыслях, чувствуя, как подступает словесная рвота, от самой себя, которую я озвучить не могу, а двадцать оставшихся процентов, я совершаю глупости, о которых после жалею. Но, о последствиях задумываюсь уже слишком поздно. И вот сейчас снова, когда я нырнула в омут своих раздумий, ощутила, как подступает эта мысленная рвота. А нет... Обычная рвота. Стоит мне войти в номер, как я сразу же бегу в ванную, обнимаясь с унитазом и меня выворачивает наизнанку.

-Ритка, ты это чего, девочка моя? – Женя двинулся за мной, присев рядом, подобрав в хвост мои волосы.

-Может стоит доктора позвать? Бледная вся, – Олейник заботливо проводит рукой мне по лбу, вытирая выступившие капли холодного пота, в который меня бросило. Я только отрицательно мотнула головой, закрыв глаза и склонившись на Женю.

-Просто солнечный удар, не более, – грустно улыбаюсь я, не открывая глаза, расслабляясь в заботливых объятиях своего любовника. Посидев так немного, я набралась сил, чтобы подняться и умыться. Все это время, Женя контролировал меня, чтобы не случилось чего хуже. Потому что, стоило мне подняться на ноги, как в глазах потемнело и я чуть не потеряла сознание.

-Я вызываю врача, Дорофеева.

-Женя, нет! Я сейчас просто прилягу и все пройдет. Закажи лучше что-то покушать.

-Ритка, ты серьезно? – Женя засмеялся, глядя на меня.

-Тебя только что рвало, а тебе хочется кушать? Значит и правда все не настолько серьезно, – целует меня в макушку, подхватив на руки и бережно относит в постель.

-Да, мне лучше. Внезапно нахлынуло, но уже отступило, правда. И да, я хочу есть, - улыбаюсь я, чувствуя, как щеки начинают гореть и румянец возвращается, касаясь моего лица, оживляя меня.

-И чего желает твоя душа?

-Мяса хочу. С острым ягодным соусом. И креветок, больших. А еще банановое мороженое и кока-колу, - немного подумав, озвучиваю свое предпочтение я. Сочетание правда вообще ни в какие ворота не вписывается. И я поняла, что надо немного подправить меню.

-Евгеш...я пюрешку с селедкой хочу и солеными огурцами, по-домашнему хочу, - смотрю на него стыдливymi глазами, словно боюсь быть осужденная за такой выбор. Гурманом меня в этом предпочтении назвать сложно. Более того, если бы я сказала ему, что всю эту домашнюю вкуснотищу я обожаю запивать молоком, Олейник бы явно пришел в ужас. И нет! Ничего мне от этого набора продуктов не было. В детстве я часто ела бабулину пюрешку с огурчиками ее фирменного посола. Молоко она мне с этим всем пить запрещала, но я пошла в папу. Мы с ним были те еще молочники. И спокойненько могли сочетать молоко с теми продуктами, которые не переваривали слабенькие организмы большинства людей. А я вот люблю. И мне хочется.

-По-домашнему значит, - вздыхает Олейник, явно не понимая, где взять картошку с селедкой и солеными огурцами.

-Ладно, придумаем сейчас что-то, - подняв трубку телефона, попросил, чтобы в номер прислали официанта.

-Наш ритм жизни превращает нас в своих заложников, Женька. Мы элементарно не находим время, чтобы покушать дома, вкусно, как в детстве нам готовила бабушка или мама. Привыкли питаться в ресторанах, забывая, какая на вкус обычная картошечка. И совершенно забывая о том, что паста, это макаронки, которые и в домашних условиях могут быть приготовлены божественно. Куда там этим карбонарам к нашим макаронам по-флотски, - начинаю философствовать я о еде. Понимая, что если я сейчас съем то, чего хочу, получу невероятный гастрономический оргазм.

-Ты права, детка. В кои-то веке, – ну да, странно, что он так просто согласился со мной. Потому что, как правило, мы сначала спорили, а уже после приходили к общему знаменателю. Но такие темы, обыденные, простые, мы вообще не затрагивали. Мы чужие люди друг другу. Мне закрыт путь в его жизнь, а его не интересует моя. Наши встречи – это работа и вечера, которые мы коротаем в компании друг друга, по графику. Мы не узнаем о наших вкусах и предпочтениях, изучая друг друга только в одном направлении – в постельном. Потому, что, по сути, с одной работы, в офисе, я бежала на другую – в штаны к Олейнику. Снова затошнило.

-Отвратительная селедка. А картошку они на воде потолкли, а надо на молоке, с маслом, – кривилась я, ковыряя свое фирменное блюдо от шефа. В то время, как Олейник смаковал экзотический индонезийский салат, заправленный ароматным арахисовым соусом, с овощами, и со свежим жареным тофу и вареными яйцами. На гарнир у Жени было тоже индонезийское блюдо Наси Удук – рис приготовленный с кокосовым молоком и травами, поданный с говядиной и керупуком (индонезийские крекеры). Но я точно поняла, что не хочу больше своей пюрешки, когда ощутила вкуснейший аромат Сате. Обычный шашлычок по-нашему. Этот был куриный, прожаренный на гриле до золотистой корочки и до появления умопомрачительного аромата. С острым арахисовым или соевым соусом с чили и луком-шалот.

-Я не сомневался, Рита, – Олейник закатил глаза, когда я потянулась к его ужину, решив, что должна попробовать все.

-Ну конечно, в чужой тарелке всегда вкуснее. Но была бы у меня нормально приготовленная картоха, ты бы слюнками давился! – подмечаю я, облизывая пальцы от соуса.

-А позже прогуляемся и поедим бананового мороженого. Именно его не хватает для целостности картинки, и я буду удовлетворена, – как довольный кот, мурлыкаю я, откидываясь на кровати и поглаживая свой набитый живот.

-Теперь я сыта и добра, – подытоживаю я, подметив, что Олейник со смешком наблюдает за мной.

И если бы всегда было все так идеально, если бы не было того факта, что Николаевич женат, если бы не было всех этих “контрактных” отношений, я

может и привыкла бы к этому хорошему, что между нами происходило. И если бы не тот факт, что я всегда провожу параллели, в своих сравнениях убеждаясь, что любила, люблю и буду любить другого.

Оставшиеся четыре дня отпуска, я приложила максимум усилий, чтобы не пересекаться с этой своей любовью. Я выпросила у Олейника трехдневный тур вокруг Острова Богов и Демонов! Мы увидели самые значимые, интересные и красивые места на Бали: храмы, водопады, рисовые террасы, водные дворцы, пляжи, деревни ремесленников. Нам не надо было тратить уйму времени на дорогу обратно в наш отель после каждой экскурсии. Вместо этого мы остановились в потрясающем районе Мундук, а так же, в отеле на пляже Чандидасы. А ведь все это я могла наблюдать с Никитой, хватая его за руку, восторженно делясь впечатлениями и целуя в знак благодарности. С Женей же я вела себя сдержанно, не проявляя своих эмоций и не позволяла вести себя с ним так, словно была его девушкой. Между нами стал пробегать холодок. И я должна подготовить почву к тому, что по приезду в Москву, я хочу прекратить эти отношения.

Но все оказалось не так просто...

По возвращению домой, мне было сложно влиться в суетливый московский ритм. Я жутко уставала, не в состоянии подхватить прежний режим. Да, расслабилась за отпуск. С Женей виделись сейчас вообще раз в неделю, поскольку оба выматывались на работе, валясь по вечерам с ног. А я, по мимо усталости, еще и акклиматизироваться не могла. Москва тошнила меня своей серостью, ранней осенью и выхлопами бесконечных пробок.

Но несмотря на это, я находила время на общение с Измайловым. Которое пока не заходило дальше телефонных разговоров и нескольких обедов в ресторанах, главным условием которых было табу на обсуждение наших отношений и тех, что мы все еще не разорвали. Ни я, ни Никита.

А после все просто пошло под откос. И если я раньше хоть какие-то предположения имела о том, как разрулить всю свою Санта-Барбару, решив ставить точку с Олейником сразу после выборов, то теперь было не ясно, точка станет многим ранее или же тут еще будут многоточия.

Первым ударом под дых стало очередное письмо от анонима. Я уже и не надеялась на то, что он напишет снова. Я думала это мисс Хилл устроила мне такую грубую игру, но после Бали, успокоилась, ведь увидела меня с другим мужчиной, а сама назвала Никиту своим женихом, давая понять, что загребла его в свои лапы. Но, мне кажется, я ошибалась на ее счет.

Скептически, открыв письмо, я ожидала увидеть там очередные угрозы. Но поняла, что аноним перешел к действиям. Все было кратко.

“Тебя предупреждали...” – и к этому предложению был добавлен скрин отправленного письма с фотографиями. Фотографии были мои и Женькины, а отправленное письмо, которое мне продемонстрировали, было адресовано Олейник Юлии. Чудно. Кому же первому достанется, Женьке или она сразу ко мне явится? На письмо я отвечать не стала. На этот раз не рассказывая о нем никому, но и не удаляя. Если уж Юля получила фото, Женя скоро объявится у меня и все будет решено окончательно.

А дальше последовал контрольный выстрел в голову. Но именно он и стал вероятными многоточиями. Через пару дней после возвращения с отпуска, я обратилась к доктору, чтобы прописал какие-то витамины, чтобы помог разобраться с причиной моего состояния и слабости. Да, мы все спихнули на переключение организма после смены климата, но все же я сдала все анализы, которые потребовала врач.

Я, наконец, выдохнула с облегчением после адской рабочей недели, вечером пятницы, заползая в свою квартиру. Я даже не успела переодеться, открыв холодильник и достав бутылку сока, желая напиться апельсинового фреша, залпом, жадно, охотно надеясь сбить оскомину и утолить необъяснимое желание выпить чего-то кислого. Раздался телефонный звонок.

–Маргарита Александровна? Добрый вечер, это из клиники “МедГарант”.

–Да, добрый вечер. Что-то случилось? Анализы плохие? – почему-то разволновалась я. И не зря.

–Нет, не волнуйтесь. Анализы в полном порядке. А причины Вашего состояния, слабости и усталости, которую "не лечат" ни вечерний, ни ночной отдых – очень радостные. Вы беременны.

Глава 7

Бутылка сока вывалилась из моих рук, и по полу растеклась цитрусовая лужа. Но меня не волновало ничего, что происходит вокруг. Я была огорошена, ошарашена, шокирована, офигевшая и так далее, по нарастающей, вплоть до того, что я просто охренела от услышанного! Как это я беременна? Я же принимала таблетки? Ну, бывало, что пару раз пропускала приемы, но неужели именно в эти самые моменты случилось непоправимое? Как я вообще не заметила, что у меня сбился менструальный цикл? В прошлом месяце я не придала особого внимания скудным месячным, а про то, что их не было в этом месяце, я и вообще забыла. Моя безответственность, в первую очередь по отношению к себе самой, привела к серьезным последствиям, которые вклинились мне палками в колеса, и я кубарем покатила, возвращаясь с небес на землю. Хотя мои небеса, понятие слишком абстрактное... Я редко задерживалась в облаках, наслаждаясь радостными моментами. Скорее это походило на прыжки на батуте, когда меня подбрасывало к небу, позволяло задержаться ненадолго там, в высоте, а после я летела вниз. И, прошу заметить, почему-то внизу никогда не оказывалось страховки, потому я расшибалась.

Что мне еще говорила в трубку доктор, я слышала неразборчиво, переваривая услышанное. Помню только, что на завтра мне назначили прием у гинеколога частной клиники МедГарант. Невольно коснулась живота, поглаживая его.

-Ну, здравствуй, маленький... Я твоя непутевая мама, - шепнула я, улыбаясь своим мыслям, не сдержав своих слез. Были ли это слезы радости? Да! Несмотря ни на что, не задумываясь о том, кто отец ребенка, хотя я знала на все сто процентов, что это Олейник, я была рада моему малышу. В моей голове ни на секунду не появилось мысли о том, что эта беременность для меня нежеланная. Да, от мужчины, которого я не люблю, от того, который никогда не будет рядом со своим ребенком, не узнает, как тот растет, как складывается его жизнь... Внебрачные дети для таких как Женя - это позор, повод для сплетен, клевета, антиреклама. Потому я с чистой душой и совестью избавлю его от этой лишней шумихи. А мы с моим малышом, справимся и без посторонней помощи. Главное, чтобы отрекающийся папашка после локти не кусал, хотя, я даже предположила тот вариант, что, если захочет - сможет видеться с ребенком. Он ведь такой же его, как и мой. Я далеко забегала вперед, рассуждая, как сложится в дальнейшем моя жизнь. А подумать стоило о том, что именно сейчас она складывалась не лучшим образом. У меня хватало проблем, которые навалились из-за моей же глупости. Жена Олейника, Измайлов, который вряд ли теперь

захочет иметь со мной что-то общее. Но и его я могла понять. Сейчас меня озарило какое-то осознание и понимание всего. И я погрузилась в состояние некоего умиротворения, отпустила все обиды, злость, простила, наконец саму себя за все, что совершила. И если суждено мне остаться одной – так тому и быть. Но я-то знаю, что теперь я не одна. Если раньше смысл моей жизни сосредоточен был на Никите, то теперь, пускай и он простит меня. Во мне зарождалась новая жизнь, маленькая, моя родная, ради которой я все изменю к лучшему. И эта жизнь стала для меня смыслом.

Хотела ли я с кем-то поделиться новостью? Испугалась ли я? Что собиралась делать дальше? Ни на один из этих вопросов я ответить не могла. Не знаю я, что я буду делать. Как буду сообщать эти новости, но в данную минуту, я не хотела делиться ни с кем своим маленьким счастьем.

–Ты мой маленький крошка. Хочу, чтобы ты знал, я только узнала о тебе, но с первой секунды люблю бесконечной любовью. Я обещаю, у нас все будет хорошо, – разговаривала я со своим животом, заботливо поглаживая его. Я дала слово своему малышу, и я сдержу его. С этой самой секунды в моей жизни все изменится...

Еще долго я не могла уснуть, пытаюсь отбросить те мысли, что грызли меня, но уже были не так значимы, зависая над теми, что требовали неотложных решений, но пока я не знала, как именно решить их. Я пол ночи пыталась найти гармонию с самой собой, и в этом своем желании, не заметила, как уснула.

Утром, я поприветствовала своего крошку, поздравила его с новым днем. По-прежнему ни с кем не связывалась и новостями не делилась. Скорее всего, я не хотела лишней шумихи, пока не разберусь со своими проблемами. Как например, с тем, что надо как-то сообщить Олейнику о том, что папой он станет в третий раз. Хотя тут я задумалась... Это у него от жены двое детей, а если были у него такие как я, залетные, может где-то еще есть такие Женьки? В общем, сама я звонить ему не спешила, но настраивалась морально на то, как сообщу ему новость.

Сейчас же я поехала в клинику, для осмотра у врача. Я волновалась страшно. Мне важно было знать, все ли хорошо, как протекает беременность, какие сроки и главное, мне нужны были советы доктора, пояснения, предостережения показания и противопоказания. Я хотела знать все. Потому что, честно говоря, я не была готова сейчас становиться матерью и понятия не имела, как надо вести

себя во время беременности. Мне предстояло, сначала, научиться быть беременной, а после становиться мамой.

–Обещаю тебе, маленький, я буду хорошей мамой... – уверяла я своего ребенка, уже сейчас чувствуя перед ним вину за все свои ошибки. Совершенные по глупости. И многие из них скажутся на нем.

Врач установила срок шесть-семь недель, успокоила, что все проходит гладко. Порекомендовала пить обычные витамины, обратила внимание на запрещенные продукты. А главное, велела не паниковать и снизить уровень стресса до минимума. Да, это уж надо. А то я горячку порола такую, что голова кругом шла.

Воодушевленная, счастливая, я вернулась домой. Свои выходные я планировала провести спокойно и с пользой, но я должна перестать быть такой наивной. Спокойно – это точно не про меня.

Стоило мне выйти из машины, как на меня кто-то налетел, выплескивая в лицо какую-то жидкость. Невероятный выброс адреналина в кровь, и я в ужасе схватилась за лицо, завизжав. Страх парализовал меня, неужели вот такой финал ждал меня? Но взяв себя в руки, я быстро сообразила, что страшного ничего не происходит. Я смогла открыть глаза, глянув на свои руки. Это была зеленка. Но долго радоваться мне не позволили, в следующую секунду набросившись на меня с кулаками, хватая за волосы, от чего я спиной впечаталась в машину, не имея путей к отступлению, а потому, лишь выставила руки вперед, закрываясь от хаотичных ударов

–Дрянь! Мразь! Знай мою доброту! Я бы твою смазливую мордашу кислотой облила! И поверь, если ты не отстанешь от моего мужа, я тебя из-под земли достану! – ага, понятно, оскорбленная женушка Олейника решила устроить самосуд. Я, конечно все понимаю, но я не груша для битья. С силой толкаю женщину, заставляя ее, тем самым отшатнуться от меня и выскальзываю от машины, чтобы не оставаться зажатой в углу.

–Убью тебя, шлюха мелкая! – орет Юля, бросаясь на меня с новой силой. Я же выставляю руки перед собой, ухватившись за блондинистые кудри, с силой потянув вниз, ну, а Юля в ответ проворачивает то же самое, от чего мы обе согнулись, продолжая таскать друг друга за волосы.

–Мама! Мамочка, не надо! Маргарита Александровна! Не деритесь! Помогите! – слышу плач и крики ребенка, узнав по голосу Женькиного сына, с которым занималась английским.

–Боже, дура, ты ребенка притащила, зачем? – запыхавшись, с удивлением, недовольством и тот час, с усмешкой упрекаю я, наконец повалив жену Олейника на асфальт. Конечно же Юля не ответит. Разумного объяснения этому она не найдет просто. Хотела разобраться, пришла бы одна, а так довела мелкого до истерики, напугав, заставив наблюдать за этими дурацкими кошачьими боями. Юля начала бить меня кулаками по спине и даже пыталась отбиваться ногами. И когда заехала коленом мне в живот, я отпустила ее, отпрянув. Мне сейчас такие побои ни к чему, но, когда я ослабила хватку, эта разбушевавшаяся львица, прижала к асфальту меня, навалившись всем телом и зарядив ладонью по лицу. Я не знаю, чем она так полоснула, ногтями или каким-то из своих колечек, но на щеке появилась царапина, тут же начавшая кровоточить. Я взбесилась, с силой хватая озверевшую женщину за волосы, вместе с ушами, мотнув ее головой в сторону, грохнув ею о колесо своей машины, а после начала бить Юльку своей сумкой, которую подхватила рукой с земли. И пока эта истеричка все еще сидела на мне, я просто невпопад начала колотить ее кулаками и ладонями по всему, что попадалось, не давая ей возможности отбиваться в ответ, а только закрываться от моих ударов.

Я настолько отдалась во власть своему гневу, что не контролировала себя. Но в какой-то миг поняла, что удары руками не достигают цели. Юльку кто-то оттянул от меня, и меня подхватили с земли следом, сдерживая сзади, даже приподняв немного в воздух. Жена Олейника вдогонку махнула ногой, но не достала меня, а вот взмах моей ноги оказался более эффективным, потому что с ноги слетел ботильон, угодив блондинке прямо в голову.

–Вызывайте полицию! – кричал кто-то со стороны. Хватка позади меня стала крепче. Нас растянули по разные стороны. Я тяжело дышала, сжимая в кулаке клоч белых патл, которые с отвращением выбросила, встряхнув рукой.

–Не дай Бог ты сунешься к нему еще хоть раз!

–Я не сунусь! Это он ко мне сунется! Прибежит! И я понимаю почему он сбегает от тебя. Ты больная на всю голову! -парирую я, не собираясь сдаваться и не позволяя сыпать в меня эти угрозы.

-Ах ты проститутка дешевая! Ноги за бабки перед ним раздвигаешь!

-Ну! Мне он даже платить готов, а с тобой и задаром не хочет! – наша драка была прервана, потому мы продолжили перепалку словесно, бросаясь друг в друга бранными словами, крича на весь двор.

-Да ты подстилка, у него таких...

-Так же ты ко мне приперлась! Иди к остальным, им истерики закатывай! Я при чем, что ты своего мужика удержать не можешь, что он на стороне утети ищет! – выплонула я, пытаюсь вырваться из цепких “объятий”, как я уже поняла, своего соседа. А ведь и правда. Что сразу любовниц называют разлучницами? Ну в большинстве случаев виноватым оказывается не муж, не жена, а любовница. Она, такая-растакая, в семью чужую влезла, на коврик семейный “нагадила”, в душу наплевала. Но, все же, я считаю, что виноваты именно супруги, что у них случается разлад и кто-то заводит любовников на стороне.

-Все претензии к Женечке, уяснила? Еще раз ко мне сунешься, я тебя лысой оставлю! – бросаю ядовитую угрозу в адрес своей соперницы, которая, как и я, все еще прыгает и дергается, желая снова сцепиться в этой яростной схватке. Но, этот цирк был закончен, когда меня потащили в сторону подъезда, не став дожидаться разрешения конфликта. А он, по сути, и не может быть разрешен. Ну, для себя я поставила галочку напротив одной из своих проблем. Встреча с женой своего любовника торжественно состоялась!

-Ты как? Все нормально? – спросил у меня сосед, отпуская уже в лифте, чтобы я, ненароком, не сбежала и вдогонку той курице пинков не отвесила.

-Ты лицо мое видел? Вообще видок? Явно не нормально. Зато зеленка сразу эту царапку замазала, – усмехаюсь, я, разглядывая себя в зеркале лифта.

-Это вообще смывается?

-Ну, в таких количествах, думаю не сразу, – сосед подхватил мой смешок.

-Ты в полицию обращаться собираешься? Заявление стоило бы написать, – советует мне поступить “по правильному” парень, а я мыслям своим усмехаюсь.

Ага, заявление..."Я, Дорофеева Маргарита Александровна, заявляю на Олейник Юлию, за то, что она побила меня и облила зеленкой, в качестве мести за то, что я спала с ее мужем, кандидатом в депутаты областного совета, Олейником Евгением Николаевичем. P.S. От которого, кстати говоря, я беременна". Да они этим заявлением подотрутся, потому что Олейнику меньше всего нужны разборки двух истеричек. Отвечать соседу я не стала, просто отрицательно покачав головой, а он, в ответ, согласился, что это лично мое дело.

Войдя в свою квартиру, я небрежно бросила на пол один ботильон, который слетел во время драки с Юлей и так же стянула и второй, не заморачиваясь над порядком в прихожей. Бросила на диван сумку, и сама завалилась, с облегчением выдыхая, наконец успокаиваясь.

Коснулась руками своего живота, заботливо поглаживая его.

-Маленький мой, ты как там? Тебе хоть несильно досталось? Прости меня, что позволила этой сумасшедшей тетке сделать тебе больно. Больше никто и никогда не посмеет тебя обидеть, - успокаивала я своего малыша,

-Мы с тобой сильные и никто не сможет нас сломать, правда, комочек? - ласково с любовью я продолжала говорить со своим ребенком, пока окончательно не привела в порядок свое бушующее состояние. Все же мне следовало подправить и свой внешний вид. Сняв рваную футболку, я сразу отправила ее в мусорник, а джинсы забросила в барабан стиральной машины. Сама же, ступила под теплый душ, расслабляясь под успокаивающими прикосновениями воды к моему телу. Вода под ноги стекала зеленая, но даже после попыток оттереться мочалкой, я все равно еще оставалась размалеванная. Ну, как и говорил сосед, с первого раза не отмылось. Ну да ладно, это меня вообще мало заботило, пока я дома и на выходные спокойно могу посидеть дома, не высываясь на люди.

Ближе к вечеру, я услышала, как щелкнул замок в дверях и в квартиру, как к себе домой, ввалился Олейник.

-Не поняла, - вышла я встречать незваного гостя, в домашнем платье с тарелкой и полным ртом.

-О, Смурфик! - восторженно вскрикнул Женя, бросая на пол сумку и раскидывая руки, словно ожидал радушных объятий.

-Смурфики были синие, – холодно бросаю я, уходя обратно в комнату, забираясь на диван.

-А кто зеленый?

-Невероятный Халк! – отзываюсь грозно я.

-Халк разбушевался? – спрашивает Женя, подойдя ко мне и завалившись на диван рядом, по-свойски к себе притягивает, сладко чмокнув в щеку.

-Жень, че ты пришел? – я продолжаю изображать недотрогу, отстранившись от мужчины, поморщившись.

-Ты что, пил?

-Пил, и что? Отругаешь меня? И что это за вопросы? Захотел и пришел. Я вообще, когда хочу, тогда и буду к тебе приходить, ты же моя девочка, м? – Олейник опять полез ко мне с поцелуями, а меня от этого пьяного душка чуть не вывернуло. Видимо моему малышу не очень нравился пьяный папа. “Да-да, маленький, это твой папа, я скоро вас познакомлю” – мысленно я обращаюсь к своему комочку.

-Жень, к жене вали, а? А то она со своим климаксом в одиночку не справляется, – съязвила я, встав с дивана, пошлепав на кухню.

-Слушай, Ритка, ты еще легко отделалась.

-Что, прости? Ты себя вообще слышишь? Легко отделалась? Твоя мегера мне грозилась следующий раз кислотой в лицо плеснуть! А ты, приперся, пьяный, и ухмыляешься тут, будто мы показательные бои в грязи устраивали. Если тебе интересно, я в порядке, зеленка отмоется, царапины заживут, волосы отрастут, не беспокойся.

-Я не беспокоился, – сухо и безразлично отвечает Олейник, а у меня прямо все внутри оборвалось, и я сожалела, что под рукой не оказалось ничего тяжелого, чтобы запустить в этого напыщенного индюка.

-Я знал, что ты сильная девочка и справишься с нападками моей ревнующей жены.

-Сын как? Она его притащила. Мальчишка испугался до смерти, видел весь этот спектакль.

-А он у меня сильный мальчик, тоже справится.

-Как у тебя все легко, Жень! Да тебе срать на всех! На жену свою, на детей, на меня! Тебе важно только то, что касается тебя! Чтобы репутацию твою не подпачкало, хотя на самом деле, если бы не твои бабки, ты бы в дерьме уже купался! - не выдержав, вспылила я.

-Слушай, девочка, если бы не мои бабки, то ты бы не была со мной. У тебя бы не было этой квартиры, не было бы машины. А тебе то все это даром досталось. Чего бухтишь? - лениво и пьяно отвечает мне Женя, развалившись на диване.

-Я уже говорила, что все это мне не нужно, я не просила! Ты сам делаешь такие щедрые "подарки", а после тыкаешь ими. Забирай, ну! Обойдусь без подачек.

-Можешь продать и валить куда хочешь.

-Найди себе очередную бл*дь и на нее переформи, чтобы не пришлось заморачиваться, когда ей захочешь подарить квартиру для перепихона.

-То есть, ты не отрицаешь, что ты тоже бл*дь? - ехидно оскалился, Олейник, а я, все же, нашла чем в него запустить, и в следующую минуту, в него полетело яблоко, которое я схватила со стола. Женя ловко поймал его, откусив от него внушительный кусок и бросил в меня обратно, а я только увернулась, игнорируя этот жест.

-Ритка, пошли лучше потрахаемся, пар выпустим. Я тоже сегодня на взводе, из дома вот ушел, на какое-то время, пока моя не перебесится.

-Правая рука тебе в помощь, - я изобразила характерный непристойный жест, символизирующий мужское самоудовлетворение, и принялась мыть тарелку, не реагируя на Олейника.

-Я говорил, чтобы ты фильтровала поток своих малолетских колкостей в мой адрес? – я продолжала молчать, делая вид, что Жени попросту не существует.

-Что замолчала, к тебе обращаюсь! Оглохла что ли?

-Слушай, Олейник, если тебя что-то не устраивает вон двери-вон на хер! Я тебя сюда вообще не звала и не знаю че ты приперся. Пожил бы на своей городской квартире, пока твоя не перебесится, – язвительно я процитировала Женю, глядя на него. Он лениво поднялся с дивана, впритык подходя ко мне, обнимая и притягивая к себе.

-Зачем мне тосковать в одиночестве, если у меня есть ты? – низким хриплым голосом шепчет он мне на ухо, носом скользя по щеке и губами касаясь шеи.

- Дай мне с дороги вдоволь напиться

Чистой водицы дай мне дай

Ты расскажи мне про счастье былое

И уложи спать рядом с собою, – негромко напел Олейник, поцелуями скользя по моему плечу, стягивая бретель платья. Сложно справиться с мужиком, которому мозг упирается в ширинку. И думает от вовсе не головой. Хуже ребенка в своих “хочу и буду”. Но я устала от того, что он по первой своей прихоти получал то, чего желал. Раком, боком и с подскоком. Я устала от того, что мною пользовались, как вещью, нагло присвоив себе, считая меня чем-то вроде рабыни, обязанной выполнять то, что велят.

-Вам сегодня ничего не светит, Евгений Николаевич, – безразлично отвечаю я, не поддаваясь на его попытки соблазнить меня, и, расцепив его руки, убираю их со своей талии.

-Ну что ты ломаешься, Ритка? Пожалей меня несчастного, разбитого, опечаленного... – я взбесилась, отталкивая от себя мужчину.

–Серьезно? Ты несчастный и опечаленный? Да сколько ты судеб поломал вокруг себя? Сколько голов снес, пока по ним достигал своих высот? Тебе вообще плевать на других. Я не понимаю тебя, Жень! Взрослый мужик, вроде не глупый, а дурак дураком. Мне осточертело все это! Разводись, если тебя не устраивает твой брак, если тебе надоело и ты, возомнив себя жеребцом в расцвете сил хочешь по молодухам бегать. И трахай себе кого хочешь и сколько хочешь! А с меня хватит! – разворачиваясь, я уйду в спальню, спиной чувствуя этот разъяренный и неудовлетворенный взгляд пробуждающегося зверя.

–Хватит будет, когда я решу, уяснила? – он двинулся за мной, но я успела закрыть дверь спальни на замок, упав на кровать и разрыдалась от обиды, что давила меня. Честно, я ожидала другого разговора с Олейником, когда наши отношения станут известны его жене. Я надеялась, что он будет настроен решительно, оборвет нашу связь, распрощается со мной, пускай хоть на время. Сделает вид, что его вообще заботит то, что происходит в его семье. Но его, видимо, ничего не заботило. Он дальше своего кошелька и члена вообще ничего не видел. Я рассчитывала, что он хотя бы трезвый будет, но нет, он бедненький, пытался заполнить бухлом в своем мозгу ту пустоту, которую Юлька выела ему чайной ложкой. А меня использовать как утешительный приз, которому не выцарапали глаза и не повырывали все волосы. Значит еще сойдет.

Женя грохнул кулаком в дверь. Кричал, чтобы я открыла, иначе он ее высадит и тогда мне не поздоровится. А я тупо выла в подушку, не в силах сдержать своих слез. Когда-то я говорила, что меня вполне устраивает расклад быть содержанкой? Это была чистейшей воды ложь! Это самое ужасное, что может ощущать женщина. Быть кому-то обязанной, принимать подарки, деньги и выполнять прихоти, по графику, по шаблону, по договору... Это низко. Так обращаться с собой позволяют только отчаявшиеся и опустившиеся ниже плинтуса глупые бабы, которые позволили растоптать свою гордость и задушить свою честь. Некоторые были ведомые завистью и жадностью, некоторые мстят. Но итог был одинаков – все мы просто продажные шкуры, не более, униженные, потерявшие себя, просто в дорогих цацках да побрякушках, и на лбу со сверкающим клеймом из стразикив выблискивающим кричащей надписью “любовница”. Я ни одной женщине не пожелаю испытать тех чувств, что испытывала сейчас я. И я молилась, чтобы больше мне не пришлось снова и снова переживать эти ощущения, потому что они были слишком обжигающими и отравляющими. Но понимала, что нечто подобное мне придется ощутить, когда Олейник узнает о моей беременности.

–Жень, прошу, уйди, я одна хочу побыть. Хоть раз услышь мою просьбу! – в слезах взвыла я, не в силах больше слушать этот рык за дверью. И, к моему удивлению, но, кажется, Женя услышал. Ночевать он все же остался у меня. Я долго слышала работающий телевизор в другой комнате, но выходить со своей спальни не решалась до утра. Хоть мы оба успокоились, утро вечера мудренее.

–Вот такой у нас папа, малыш. Мудак полный. Но мы без него будем, потому все у нас будет хорошо. Зачем нам тот, кто нас не любит, правда? – погладила я свой живот, успокаивая свое маленькое счастье. И пожелав ему спокойной ночи, отправилась к Морфею.

Утром меня ждал приятный сюрприз. Женя проспался, протрезвел, и даже приготовил завтрак. Когда я вышла на кухню, он виновато посмотрел на меня, притягивая к себе, заключив в объятия. Я ощутила запах его тела и свежий запах лосьона для бритья. Если бы он всегда был таким, каким был крайне редко, этот запах я бы полюбила, как и полюбила бы самого Олейника. Нет, здесь не было мысли о том, что стерпится слюбится.

У меня были сильные симпатии к этому мужчине, были какие-то чувства, не переросшие в любовь. Но зная, какой он, я понимала, что моей любви он не заслуживает.

–Прости меня, детка, за вчерашнее, – шепчет Женя, а я знаю, что от этого его чувства вины и следа не останется, стоит ему услышать мои новости.

–Жень, я беременна, – коротко, сразу в лоб, заявляю я, так и стоя в его объятиях с опущенными руками. Ощущаю, как Олейник затаил дыхание, и, кажется, даже сердце его перестало в этот момент биться.

–Хорошо, я позвоню в лучшую клинику, договорюсь обо всем. Тебя примет лучший врач, – безразлично, холодно, совсем безэмоционально отвечает Женя.

–О чем договоришься?

–Об аборте, – и тут меня как током прошибло. Я, как ошпаренная кипятком, оттолкнула Женю с такой силой, что он пошатнулся. Я смотрела на него с ненавистью! Урод моральный! Бесчувственный убийца! Вот так спокойно говорить об аборте!

-Это мой ребенок, и я не позволю тебе решать за меня!

-Рита, ты смешная, что ли? А потом тесты на отцовство, ты права свои заявишь, алименты требовать начнешь, зачем это все? Зачем усложнять?

-Да на хер ты мне сдался, со своими алиментами! – выплюнула я, помчавшись обратно в спальню, став поспешно выгребать свои вещи со шкафов. Все. Хватит.

-Срок какой, Дорофеева? – так же пофигистически продолжает Олейник, как истукан став в дверном проеме моей спальни.

-А оно тебя пусть не колышет, – резко отвечаю я.

-Значит так, красавица. Я на неделю лечу в командировку. Сейчас уйду я, не утруждайся всеми этими демонстративными сборами. Контакты врача и время, когда тебя примут, я сообщу. У тебя неделя, чтобы решить этот вопрос добровольно. Иначе я тебя за патлы затащу к доктору, усекла? Хороших выходных, Рита. Можешь считать, что у тебя еще один внеплановый отпуск. В штабе я сообщу о твоём отсутствии, – и все. Он ушел, хлопнув дверь. Оставив меня пережевывать эту мысль, с которой он меня оставил. Да никогда и даже под дулом пистолета я не убью своего ребенка.

-Не слушай его, комочек, слышишь? Он не поступит так. Я не позволю, – положив руку на живот, шепчу я, уверяя своего ребенка, что смогу защитить его от его же отца.

Глава 8

У меня складывалось впечатление, что всю свою сознательную жизнь Олейник оттачивал мастерство пофигизма. А теперь закрепляет навыки на мне, демонстрируя, насколько ему плевать на все, что происходит со мной. Преследуя лишь свои собственные цели, он считал себя главным в любой ситуации, оставаясь уверенным в том, что я, как и все вокруг него, беспрекословно буду исполнять его приказы. Нет, это были не приказы, а прихоти, которые зарождались в его голове, что жалили, вырываясь ядовитым роem. Большинство людей научились принимать вид серьёзного безразличия, клеймя необычные позиции в попытке казаться нормальными. Но разве я

многого просила? Я ни разу за все время, что была с ним, не просила ни-че-го. А когда захотела сохранить то, что поистине стоит считать самым большим даром, он разом решил лишиться всего. Нельзя доверять человеку, который все считает хорошим или плохим, а уж тем более тому, кто просто равнодушен ко всему. И я решила, что стоит взять с него пример, ведь именно с того самого момента, когда тебе становится безразличным все, что происходит на стороне – начинается свобода. Я хочу быть свободна, хочу, чтобы от этих оков был свободен мой ребенок. Не место нам в обществе гиен, что готовы при первой возможности разорвать тебя. И в момент, когда равнодушие одного человека нагроулило ощущением, словно от меня отвернулся весь мир, из медленного погружения в меланхолию вырвал телефонный звонок.

–Ты где пропала? – слышу встревоженный голос Никиты. И мне становится еще сложнее. Мне нужна его забота. Нужен Он. Такой, каким был сейчас, в попытках отстроить отношения, по руинам которых мы так долго топчемся. Эгоизм? Отнюдь. Просто женщина должна ощущать, что любима, что в ней кто-то нуждается. Я не ломала его, не перевоспитывала. Он сам пришел к этому. И все, чего я хотела, чтобы он был рядом. Ощущать как во мне бьется половина его сердца. Спрятаться в его тепле, забыться, разделить мир с ним одним. Но осознание того, что после всего, что мы прошли, после этого шага, со стороны Измайлова, все может рассыпаться и развеяться по ветру пылью затертых до шаблонов желаний, заставляло безмолвно кричать. Ощущения, словно это ампутация вживую, со злорадствующим смешком лихого доктора где-то там, глубоко в моем подсознании.

–Дома пропадаю. Видок неподобающий для вылазок на люди, – горько усмехнувшись, отвечаю в трубку, рассматривая свое бледно-зеленое лицо.

–Что случилось?

–Встретилась с женой Олейника.

–Она хоть жива осталась? – слышу усмешку в голосе Никиты. И, знаете, эта усмешка горделивая, словно он зазнался, зная, какая я у него боевая. И я ощутила, как довольствуется этой гордостью моя внутренняя богиня.

–К сожалению, – на выдохе отвечаю я. Повисает какое-то молчание, впервые за все время, с тех самых пор, как мы решили возобновить наше общение. Хотя это

выходило с переменной успешностью. Потому что на Бали мы послали друг друга как можно красноречивее, ну, а по приезду в Москву, решили, что еще не время разбегаться. Мы признались себе, что не верим в сожженные мосты. И все теперь зависело от нас двоих. Но мы продолжали топтаться на одном месте.

-Я приеду?

-Приезжай, – он словно мысли мои прочитал. Мне не понадобилось намекать, ходить вокруг да около. Ощувив, что я нуждаюсь в нем, на каком-то подсознательном уровне, будучи со мной на одной волне, волне, которой связаны такие безумцы в своей любви, он сказал, что уже выезжает.

Я еще не была готова рассказать обо всем. Безжалостно подпуская Никиту ближе, следуя ему навстречу. Усугубляя все из-за своей вечной глупости. Если бы я была сильнее и научилась сразу говорить правду... Но я не могу.

Все было таким сложным, но, по сути, куда проще, если разобраться и понять, что следует менять. Но полуправда это то же самое, что и полуложь. От перестановки этих слагаемых сумма не менялась. И понимая это, я не пыталась искать решений в сложных для меня уравнениях, где не получится найти неизвестную. Я расскажу, немножко позже, уверяла я сама себя, но мало верила в то, что решусь самостоятельно. Дождусь, когда Измайлов сам все узнает и пинком под зад поперет. Но до этого самого момента у меня есть немного времени, чтобы побыть с ним рядом.

Пока я ждала приезда Никиты, все же начала собирать свои вещи. Это место стало для меня клеткой, в которой я лишь птичка, с подрезанными крыльями. Но если не улететь, то сбежать я смогу. Решила еще раз умыть лицо, надеясь, что смогу отмыть гребаную зеленку. Результат был не идеальный, но уже лучше. И когда в двери позвонили я накинула на голову капюшон махрового халата и поплелась открывать двери, угнув голову, пряча лицо.

Позволив Никите войти, я не спешила смотреть на него. Он запустил руки под капюшон, скидывая его, нежно касаясь ладонями моего лица, подушечками пальцев скользя по щекам, пройдясь по царапине, которую оставила Юлька. А после Измайлов улыбнулся.

-Я всегда знал, что ты какая-то марсианка. Особенная, не такая как все. И вот тому доказательство, предо мной зеленый человечек во всей красе.

-Да ну тебя, - надув губы, я поспешила уйти, но Измайлов поймал меня, притянув за руку к себе, заключая в объятия. И мы просто молча стояли, обнимаясь на пороге. Я невольно подняла руки, обнимая Никиту в ответ, сильнее прижимаясь к нему, жадно вдыхая любимый запах. Это не закончится, я знаю точно. Он неисполнимая мечта. Все, что происходит между нами - лживая надежда. Мы словно камни идем на дно, хотя кажется, что вот-вот все будет хорошо.

-У тебя под домом псы сторожевые не на привязи пасутся, - подмечает Никита, наконец немного отстранившись от меня.

-Плевать на них, Никит, - отхожу от Измайлова, возвращаясь к сбору вещей.

-Даже так. Не расскажешь, что случилось?

-Не расскажу. Просто этому всему пришел конец.

-Ты ушла от него? Это значит...

-Никит, нет...это ничего не значит. Это было бы не правильно, я уже напрыгалась с одной постели в другую. Уж прости, от себя самой гадко, - на этот аргумент Никита ничего не ответил лишь вскинув брови, едва заметно кивнул головой. Ну, конечно, сам так считает. Потому и отрицать не стал. Стало как-то неприятно и противно, ком к горлу подступил, грудную клетку сдавило так, что дышать стало тяжело, а уже в следующий момент меня страшно затошнило. И я машинально прикусила кончик языка. Когда-то меня в молодости, водитель такси учил в такой способ бороться с подступающей рвотой. Не знаю, работало ли, но с того момента именно так и делаю. "Маленький, не сейчас, пожалуйста, комочек мой... не надо перед Никитой. Молю тебя" - мысленно я просила своего ребенка не выдавать нас Измайлову. Не сейчас, не при таких обстоятельствах, не в такой неподходящий момент. И малыш, словно услышал меня. Тошнота постепенно отступила, но мимолетное помутнение в моем состоянии Измайлов заметил.

–Рит, ты в порядке? – заботливо коснулся моего плеча, заглядывая в глаза. И вот столкнувшись с ним взглядом, проваливаюсь в свою темную вселенную. Чернота его глаз – моя пропасть.

–Да, все нормально, спала плохо, на нервах вся. Но все хорошо. Ты меня в Крылатское сможешь отвезти?

–Что за вопросы, смогу, конечно, – сразу же соглашается Никита. Обстановка между нами была напряженная. Мы не разговаривали, от слова вообще. Я молча спихивала вещи в сумку, пытаюсь утрамбовать как можно больше, понимая, что всё все равно не смогу забрать за раз. Но у меня была неделя, чтобы перевезти все свое барахло обратно к родителям.

Переодевшись, я была готова скорее покинуть эту квартиру, пропитанную грязными воспоминаниями. Больными и тревожными, которые беспокоили меня, давая понять, что быстро избавиться от них не получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/milena-arden_/ispoved-chast-2

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)